

К 70-летию подвига группы «Максим 66»

Они шли на смерть...

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
Орловская средняя общеобразовательная школа №1
научно-краеведческое общество «Память»

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В твоих руках не просто литературно-краеведческий альманах, прочитав который, ты познакомишься с героическими страницами истории нашего района. Представленный материал во многом уникален – это творческие работы учащихся Орловской средней общеобразовательной школы №1 и жителей Орловского района. Кроме того в альманахе собраны стихи и проза Орловских авторов, посвященные истории подвига группы. Большая часть из них никогда не публиковалась и вряд ли будет опубликована в большой прессе.

Прочитав наш альманах, ты сможешь не только ясно представить историю подвига диверсионной группы «Максим 66», но и ознакомиться с авторским восприятием тех героических событий. Все представленные работы написаны от чистого сердца людьми, которые помнят и никогда не забудут о подвиге героев.

Представленные в альманахе работы не редактировались. При составлении альманаха в них полностью сохранены форматирование, орфография. Единственным изменением по сравнению с авторскими вариантами было приведение всех работ к единому размеру шрифта.

Данное издание адресовано широкому кругу любителей истории родного края, а также классным руководителям, учителям истории, работникам библиотек для организации внеурочных мероприятий краеведческой направленности.

Александровский С.В.
руководитель музея МБОУ ОСОШ №1

Разве можно не помнить ?

*Смешные, безусые мальчики.
Ещё не знавшие боли.
Гитара, тонкие пальчики,
И вечер последний в школе.
От мам уходившие,
В шинелях совсем не по росту.
Ещё ничего не открывшие,
Живущие детски просто.
И в первой атаке упавшие
В снега холодные, звездные.
А. Разуваева*

Мне кажется, что живём мы порой, не замечая дней проходящих, как высыхает и выцветает в нашей памяти самое светлое и важное, как становится забытым значимое и великое. Так в одно мгновение совесть заставляет задуматься о прошлом, о том, что есть неотъемлемая часть тебя и каждого.

Мы не забыли свою историю, своих отцов и прадедов, всех тех, кто однажды совершил подвиг, кто подарил нам жизнь и свободу, кто поистине достоин называться героем, кто смог сотворить чудо и не пожалел ради этого ни сил, ни здоровья! И это не были brave солдаты и отважные генералы, которых годами учили тактике боя, это были люди, вставшие на защиту родины, обыкновенные сыновья и дочери, дети, которые не стали взрослыми, дети, которым не суждено было понять смысл войны, той самой, что обрушилась смертельной лавиной на СССР в далеком 1941 году.

Огромные территории нашей необъятной страны были захвачены ненасытными и безжалостными врагами, наш посёлок Орловский не стал исключением. Стоически сражались с фашистами наши воины, но даже среди героев есть те, кто запомнился особой смелостью и мужеством.

МАКСИМ 66. Разведывательно-диверсионная группа, вступившая в ночь со 2 на 3 декабря сурового 1942 года в неравный бой с врагом на железной дороге, вблизи разъезда Куреный. 15 воинов прошли более трёх сот километров в безводной зимней степи, стирая ноги в кровь и обмораживая лицо и руки. Времени было мало, они шли, не останавливаясь, разведчики должны были задержать немецкий эшелон, который вез солдат, технику и боеприпасы к осаждённому Сталинграду.

Большинству из них не было и двадцати, 15 ребят, которые знали, на что идут, которые не успели пожить, но уже готовы были отдать свою жизнь за свободу и независимость Родины.

Как жаль, что сегодня многие наши сограждане не предают этому большого значения, не видят в этом того, что видели товарищи этих ребят. Как обидно, что не только дети, но и многие взрослые не помнят и не знают о поступке, совершённом небольшим сплочённым отрядом. Остановись, современник, разве можно строить будущее, забывая о прошлом, разве можно ставить дома на могилах, а на памятниках писать признания в любви?!

Другое сейчас время и другие нравы; и кажется война окончена давно, но давайте все же в своей душе будем хранить священную память о людях, увековечивших свои имена величайшим в истории подвигом.

Иванина Валерия

О доблести...

"«... Они стоят строем перед бронев вагоном, перед слепящим глазом прожектора. Они окружены со всех сторон огромной, непробиваемой толпой взбешенных фашистов в черных шинелях и черных касках с эсесовскими эмблемами. В фашистах клокочет ненависть: теперь-то они отомстят за пережитый страх, за гибель однополчан.

Вьюга стихла. Застыли и плаваются серебром облака вокруг луны. Зловеще гудит в телеграфных проводах степной ветер.

Из Орловской прибыл аварийный состав, ремонтники уже чинят взорванный путь. Позади полыхают деревья, подожженные огнемётами. Впереди пытит паровоз. Они стоят, поддерживая друг друга. На них нацелены дула десятков автоматов и крупнокалиберные пулеметы бронев вагонов. Лиц не видать, только черные силуэты на фоне прожекторов. и как волчьи глаза – огоньки сигарет. И каждый знает – настал смертный час» . (О. Горчаков. «Максим не выходит на связь»).

Кто они эти смельчаки атаковавшие эшелон с эсесовцам движущимися, в осажденный Сталинград?

Группа “Максим 66”

Состав группы 15 человек.

Вооружение:

- 6 автоматов,
- 4 винтовки,
- 4 карабина,
- 2 пистолета,
- мин - 65,
- Патронов 4500
- Продовольствия на 10 дней.

Холодной ночью 16 ноября 1942 года шагнули в снежную степь 15 разведчиков. Долгий путь предстоял им в степных просторах — через линию фронта, в район села Заветное — более 200 километров. Основной задачей была организация диверсий на автомобильных дорогах, разведка и нарушение коммуникаций противника. Через несколько суток разведчики вышли в район проведения диверсий, но ситуация на фронте изменилась—наши войска начали контрнаступление под Сталинградом, и группе по рации выдали новое задание—перерезать железную дорогу Сальск—Котельниково. Сделать это было крайне необходимо, так как по этой дороге немцы начали перебрасывать с Кавказа группировку Манштейна, движущуюся на помощь окруженным в Сталинграде фашистам.

Нет карт местности, заканчиваются продукты, и вновь идти более сотни километров, но разведчики не просто шли. Они несли с собой оружие , боеприпасы, мины, толовые шашки, рацию, запасные батареи и много другое.

Две недели в пути, две недели на двадцатиградусном морозе, две недели с тяжелым грузом за плечами. Это выдержит не каждый взрослый мужчина, а большинству из них было от 17 до 20 лет, только комиссару было 29 лет, все остальные были моложе. Кроме того, в группе было три девушки.

Последний сеанс связи был сделан у хутора Верхнее Зундово. Вечером 2 декабря было найдено и место для диверсии — там, где железная дорога делает поворот к станции Двойной — (станции Орловской). Дорога не охраняется — не ждут немцы нападения в зимней степи ночью.

На задание пошла вся группа. Выдолбили в мерзлой, чугунно-твердой земле железнодорожной насыпи яму, заложили взрывчатку, приладили детонатор. Укрылись в ближней, поросшей абрикосами, акациями и кустарником лесополосе. Пошли долгие минуты ожидания. И вот на повороте эшелон — шесть вагонов и платформ с техникой. Взрыв. Скрежет. Дым. Щепки шпал. Но, снизивший на повороте скорость поезд только поврежден, разбит путь.

Дружно ударили по паровозу, окнам, вагонам из винтовок и автоматов. Звон разбитого стекла, крики, лай команд — в эшелоне эсэсовцы — полк «Нордланд» дивизии СС. «Викинг» едет на помощь окруженным под Сталинградом войскам. Сколько длился бой? Этого уже никто не скажет. Но скоро оправались эсэсовцы от растерянности, поняли, что огонь ведет горстка людей. Но вот ударили по лесополосе крупнокалиберные пулеметы бронированного вагона, начался минометный обстрел партизан.

Многие из разведчиков оглушены, ранены, истекают кровью, дана команда отходить, но эсэсовцы обошли группу с флангов, горит лесополоса, подожженная огнеметчиками, начинается ожесточенная рукопашная схватка в дыму, в свете прожекторов и немецких ракет.

Захваченных разведчиков со скрученными руками, избитых, израненных, окружила толпа озверелых эсэсовцев. Начался допрос. Никто не сказал ни единого слова, не выдал командиров. Раздетых разведчиков — мужчин, девушек бросили обнаженных на снег, резали кинжалами, ждали мольбы о пощаде — в ответ молчание. Фашисты, распаленные кровью, упорством советских бойцов, сожгли огнеметами, скосили свинцом пулеметов разведчиков-диверсантов. Остались у сгоревшей лесополосы тела погибших воинов.

Бой длился недолго, но фашистский эшелон был задержан на несколько часов. А пункт назначения он прибыл с опозданием более чем на сутки, попав по пути под жесточайшую бомбежку нашей авиации.

Подвиг группы «Максим 66» так и остался бы неизвестным. После второго декабря она больше не выходила на связь и стала одной из многих партизанско-диверсионных групп пропавших без вести.

Тела «Максимовцев» были захоронены местными жителями весной 1943 года и об их подвиге было ничего не известно. Пока в 1962 году...

В нашу школу пришло письмо от московского писателя Овидия Горчакова, в котором он интересовался судьбой пропавшей группы, описание боя с которой он прочитал в мемуарах эсэсовца, потрясенного мужеством наших воинов.

Начались долгие поиски, продолжавшиеся несколько лет.

Поисковые отряды нашей школы, возглавляемые учителем истории Сердюковой Галиной Платоновной и краеведом Татаренко Григорием Степановичем несколько раз прошли вдоль железной дороги от Пролетарской до Зимовников, опрашивая местных жителей, выясняя, где горели в войну лесополосы, разыскивая захоронение. Овидием Горчаковым были сделаны запросы в архивы разведшколы, восстановлены фамилии личного состава всех диверсионных групп, пропавших без вести в нашем районе, была налажена переписка с родственниками пропавших без вести групп. Он же обратился во всесоюзную передачу «Поиск» в которой он просил отозваться родственников погибших воинов. После обнаружения захоронения анализируя последние письма «Максимовцев» удалось точно установить, что неизвестная группа — была группой «Максим 66».

Подвиг группы так потряс всех жителей района, что их именами были названы новые улицы, в народном театре ставились пьесы посвященные группе, учащиеся, жители поселка школы писали стихи и поэмы, посвященные подвигу группы.

1 октября 1967 был торжественно открыт памятник, построенный на средства и силами молодежи района. Памятник символизирует боевое знамя, склоненное над могилой героев, центральная часть памятника символизирует собой штык от русской

винтовки образца 1891 года. Именно на нем укреплена гранитная плита с именами павших «Максимовцев».

На открытии памятника присутствовало более 5000 жителей района. На место гибели диверсионной группы приезжали и родственники погибших героев. В Советские времена у памятника принимали в пионеры лучших школьников.

Уже многие годы день 2 декабря в нашей школе – «День памяти группы «Максим 66».

К этому дню выпускаются стенные газеты, проводятся вечера, туристическая группа школы ходит в поход к месту гибели.

*Белозеров Алексей
(по материалам
архивов школьного музея)*

Они не вышли на связь...

Беспрецедентный подвиг партизанской группы «Максим – 66» лёг в основу книги советского писателя - публициста Овидия Горчакова « «Максим» не выходит на связь...».

Мало кто знает, что партизанское движение во время великой Отечественной войны существовало не только в Смоленщине, Брянщине. и на Белоруссии, но и в открытых калмыцких степях.

Шёл 1942 год... Год, когда Адольф Гитлер уже начал избавляться от иллюзий «Блицкрига». В СССР не было и намёка на пьянящие успехи европейской компании. Русские умели дорого продавать свои жизни. Гитлер направил все свои силы на Кавказ. Гитлер рвался к неисчерпаемому источнику российской нефти. «Чёрное золото» давало энергию танкам, машинам, самолётами другой военной технике. Завоюй Гитлер Кавказ, и он мог идти дальше в страны Азии и Дальнего Востока. Завоюй Гитлер Кавказ, и он мог стать «властелином мира». Волга – это артерия, по которой можно было перевозить нефть. Развернулись бои за Сталинград – город на Волге. За каждый миллиметр этого города шли ожесточённые бои, Волга горела от нефти... Выиграть сражение «малой кровью» оказалось невозможным и немецкое руководство послало под Сталинград подкрепление. И вот, по железным дорогам покатались, поехали поезда, разрисованные свастикой...

А в это время в Астраханской партизанской школе 005 «Максим» в спешке готовили боевые отряды.

Диверсионная группа «Максим – 66», была направлена в Ремонтненский район. Но в пути получила приказ двигаться к станции Двойной. И пошли, почти без продуктов, еще 200 километров по балкам. В отряде было 3 девушки, мужественно преодолевавшие путь, который был по силам не каждому взрослому, тренированному мужчине. Отряд шёл по ночам, по занесённой снегом степи. Средний возраст бойца группы составлял 16 – 17 лет, только комиссару было 29, а командиру – 28. Отряд шёл, стерев ноги в кровь, почти до кости о вымерзшую на 20-ти градусном морозе почву. Несмотря на бушующий шурган, чёрную бурю, песок, летевший в глаза, они продолжали идти, неся на себе 65 мин, а в себе важнейшую миссию освобождения Родины от иноземных захватчиков.

На смоленщине, в Белоруссии есть лес: место где можно было укрыться от врага, воевать с ним, а здесь... что здесь?! Как в песне «Степь да степь кругом...»

Лесопосадок – ноль. Это после войны, уже в период восстановления насадили эти посадки. До этого их было очень мало. Летом можно хоть как-то худо-бедно укрыться за редким кустарником, в бесконечных морях степного ковыля. А тогда отряд был, как на ладони, заходить в соседние сёла и деревни не представлялось возможным — люди с 40 килограммами противотанковых мин на своём горбу мало похожи на простых обывателей, волею судеб попавших в самое пекло событий. А в пекло они попали...

Забывтое и богом, и чёртом местечко в необъятных калмыцких степях, в декабре 1942 года, неожиданно стало эпицентром развернувшейся неподалеку от станицы Орловской военной драмы.

Добравшись до поворота на станцию Двойную, группа начала подготовку к диверсии. Командир «Максим – 66» Черняховский по непонятным причинам решил не использовать ни одну из 65 противотанковых мин, а взорвать железнодорожное полотно самодельной миной. В насквозь промёрзшей, твёрдой земле общими усилиями кое-как выдолбили яму, установили взрывчатку, поставили взрыватель. Стали ждать ближайшего эшелона, укрывшись в скудных зарослях акации, абрикоса и кустарника, радистка и двое солдат расположились в лесополосе.

О чём думали юноши и девушки в расцвете сил лёжа на снегу? Об этом уже никому не удастся узнать. Знали ли они, что им предстоит умереть? Наверное, да. В то время ни у кого не возникало иллюзий о собственной жизни. Люди пытались не тешить себя бессмысленными надеждами, а делать хоть что-нибудь, что может спасти пусть не

их, так кого-то другого. Не каждый может умирать, понимая, что он не возродится. Зная, что эта не игра в казаки-разбойники, что выстрел не из деревянного ружья, а из настоящего. Но вот раздался гудок долгожданного эшелона – шесть вагонов и платформ с техникой.

Раздался взрыв, но серьёзного урона ни поезду, ни железнодорожному полотну причинено не было. Лишь немного повреждён путь.

Выхода не было. Решено было открыть огонь по врагу. Залп из винтовок и автоматов ППШ дезориентировал противника, но, к сожалению, не на долго...

В эшелоне ехал цвет фашисткой военной машины – полк «Норланд» дивизии СС «Викинг». С малства обученным только лишь убивать, воспитанным на «Майн кампф», прошедшим победным маршем по Елисейским полям и польским городам, преподнесла сюрприз кучка «недочеловеков» в почти завоёванной, варварской стране. Но немцы сумели взять себя в руки. Последовал приказ обойти место боя с флангов. По пути солдаты пытались взять в плен радистку Зою Печёнкину и двух охранявших её солдат. Извергающиеся из огнёмётов языки пламени, за считанные секунды охватили лесополосу. Немцы оправились от растерянности: в бой вступили крупнокалиберные пулемёты вагонов, автоматчики направили огонь в «Максимовцев». Уже многие лежали раненые, когда завязался рукопашный бой, собрав последние силы, последнюю волю, в юношески слабый кулак, партизаны героически сносили удары эсесовцев, не забывая самим убивать врага. Но силы были не равны... всего лишь пятнадцать человек, всего лишь 16 единиц оружия, всего лишь 4500 патронов мало что могли противопоставить вооружённым до зубов фашистским головорезам. Неизвестно сколько продолжался бой, но известен его исход. Пятнадцать партизан со скрученными руками, раздели до гола и бросили в яму. Взбешённые солдаты фашисткой армии хотели получить сведения о командирах, информацию о боевой группе, а также своё право мщения за погибших товарищей. «Как? – думали они. – Как горстка малообученных партизан смогла так долго противостоять доблестной германской армии?» Стойко партизаны вели себя на допросе, не выдали командиров. Допрос вёл один из офицеров командного состава – Шресселинг, когда ему надоело упорство русских, он приказал сжечь заживо «Максимовца». Неустановленно кому в ту роковую ночь выпал зловещий жребий попасть под ствол огнемёта. Ближе к утру после жестоких пыток вся группа была расстреляна. Поезд починили, но наступление немцев было задержано два часа, а под Куберле русская авиация щедро «угостила» эшелон бомбами.

Так бы никто никогда и не узнал имена героев, не восхитился их подвигом, не принёс бы цветы к памятнику, если бы не старания советского писателя публициста Овидия Горчакова. Находясь в командировке в Америке, он наткнулся на выше упомянутые мемуары Петера Ноймана под названием «Чёрный марш». В ней описывались похождения полка «Нормандия» дивизии СС «Викинг». Читая мемуары Ноймана, Горчаков наткнулся на описание боя под Орловской. Мучаемый вопросом что эта за группа смогла оставить о себе такие чёткие воспоминания в голове опытного убийцы, Горчаков разослал запросы в архивы, но ему пришёл ответ, что такой группы не существовало. Горчаков поставил перед собой цель во что бы это ни стало найти хоть толику информации о этой группе. К сожалению, никто в группе не вёл дневники. Во-первых, из соображений безопасности, при попадании к немцам дневника он может послужить источником секретной информации, а во-вторых, не думаю, что после долгого пути ночью с минами на спине, вам захочется записывать однообразные и бесполезные, на ваш взгляд вереницы событий. НО Горчаков не сдался. Он добился доступа в военный архив, начал сопоставлять описания и составы групп. По описанию Ноймана подходили несколько групп. Последовали публикации в газетах, выступления по Всесоюзному радио и телевидению с просьбой рассказать о партизанах родственникам и друзьям. На призыв откликнулись. К писателю приходили письма из разных уголков страны. Пришёл запрос и в нашу школу. Добровольцы организовали поисковые отряды. Затем последовали долгие

годы поиска. Наконец, поисковой отряд нашёл захоронение героев – максимовцев. Но номер группы всё ещё оставался загадкой. Но уже недолго героям оставалось лежать безымянными. В последнем письме медсестра Валя Заикина писала, что получила в подарок от американцев тубики с вазелином, которые ей каким-то образом удалось взять с собой на выполнение задания, чтобы защищать руки от обморожения. В захоронении также были обнаружены тубики с вазелином. Сомнений больше не осталось. В безымянной могиле лежали 12 бойцов группы, Зоя Печенки и еще два бойца были захоронены в хуторе Романовский еще в 1943 году.

На собранные комсомольцами средства вблизи железнодорожного полотна, был сооружён памятник. На открытие памятника приехали и близкие родственники участников группы. На памятнике выбиты слова: «Они шли на смерть – обрели бессмертие».

Когда я рассказал о подвиге «Максима» своему другу, живущему в другом посёлке, он задал всего один вполне резонный вопрос: а в чём подвиг-то? Зачем было нести на себе 40 кг противотанковых мин, чтобы в конце пути подорвать путь германской военной машины самоделькой, если можно было заложить всего одну мину и полностью разорвать полотно, а потом спокойно уйти? И зачем было вступать в бой с противником численно и технически превосходящим тебя во много раз? Так поступают только камикадзе. Этот подвиг бессмыслен.

Я не согласен. Подвиг по определению бессмыслен. Подвиги Александра Матросова и Зои Космодемьянской точно также можно расценить, как бессмысленные, но это – подвиги. Это в теплой комнате, в уюте и безопасности можно рассуждать о всяческих «если» и «кабы», а тогда на 20-ти градусном морозе, с обмороженными лицами и руками, со стёртыми в кровь ногами, разве можно было сделать по другому? Не знаю. И никто не знает. Но я знаю только одно этот уют, эту свободу, эту безопасность и эту жизнь нам дали они – бойцы группы «Максим – 66». Вот их имена:

ЧЕРНЯХОВСКИЙ Леонид Матвеевич (1914 – 1942) командир группы

БЫКОВСКИЙ Василий Максимович (1913 – 1942) комиссар группы

СОЛДАТОВ Владимир Яковлевич (1921 – 1942) зам. командира по разведке

КИСЕЛЕВ Степан Михайлович, (1922 – 1942) подрывник

КУЛЬКИН Николай Степанович (1923 – 1942) снайпер-подрывник,

ЛУНГОР Николай Семенович (1923 – 1942) снайпер-подрывник

СИДОРОВ Иван Дмитриевич (1925 – 1942) подрывник

КЛЕПОВ Иван Дмитриевич (1922 – 1942) подрывник

ВЛАДИМИРОВ Владимир Владимирович (1925 – 1942)

ХАВРОШИН Николай Федорович 1925 подрывник

АНАСТАСИАДИ Владимир Фемистоклович (1925 – 1942) подрывник

ШАРЫГИНА Нонна Никифоровна (1925 – 1942) подрывник

ЗАЙКИНА Валентина Ивановна (1923 – 1942) медсестра

ВАСИЛЬЕВ Павел Никитович, (1920 – 1942) подрывник

ПЕЧЕНКИНА Зоя Ефимовна, (1922 – 1942) года рождения, радист.

И Вечная им Память.

Волохов Анатолий

Овидий Александрович Горчаков

В поиске группы «Максим 66» принимали участие сотни людей, но главным вдохновителем всей работы стал московский писатель Овидий Горчаков. Человек высочайшего интеллекта и глубокой культуры, не афишировал свою деятельность и многие из общавшихся с ним даже и не знали, что сам он разведчик, и так же как и «максимовцы» в 18 лет был заброшен в тыл немцам, а потому подвиг группы для него был не только понятен, но и вызывал личные переживания так как он сам не раз бывал в подобных ситуациях.

Он родился в Одессе 28 октября 1924 года в семье чекиста, который курировал городок Овидиополь. Имя поэта оттуда. Его отец писал в анкетах о происхождении - «рабоче-крестьянское», но свободно говорил на трёх языках, в 1930-х работал в Нью-Йорке, Лондоне, Риме.

Когда началась война, Овидию Горчакову не было и 17 лет. Но война звала. И судьба привела его в разведывательно-диверсионную школу, которой руководил Артур Карлович Спрогис, личность легендарная.

Первая заброска в немецкий тыл произошла в марте 1942 года. По печальной статистике, из таких командировок возвращался лишь каждый пятый. Горчаков был смел и удачлив. Он забрасывался в тыл не менее пяти раз.

Рукопись первой своей книги о жизни партизанского отряда «Вне закона» Горчаков при случае показал Василию Гроссману. Тот отозвался: это лучшая книга о партизанском движении и вообще одна из лучших книг о войне. Правда о войне - страшная правда. Шокирующая подробность, рассказанный Овидием Горчаковым о конфликте между ним и командиром партизанского отряда. Последней каплей давно назревавшего конфликта стал приказ командира-сумасброда о расстреле радистки Надежды Кожевниковой.

«Повесть об огненном селе». Эта повесть - это памятник белорусской деревне Красницы. Её название не фигурировало даже на Нюрнбергском процессе. Красницы - одна из населённых пунктов, разрушенных и сожжённых гитлеровцами во время Великой Отечественной войны, жителей которых нацисты уничтожили вместе с домами в ходе карательных операций. Эта деревенька в вызвала гнев нацистов тем, что вблизи её был сбит «мессер» - истребитель «Me-109».

Примечательна книга Овидия Горчакова «Внимание: чудо-мина!». Это подробный рассказ о том, как минировался Харьков поздней осенью 1941 года группой полковника Ильи Григорьевича Старина.

Книга, вызвавшая в 1970-х громадный интерес, приоткрыла всем тайну «загадочных взрывов» в Выборге и под Москвой, в Киеве и Харькове... Взрывы осуществлялись по радиосигналу за сотни километров! Немцы, когда обнаружили первую такую мину в Харькове, - не поверили своим глазам.

Ироничный боевик «Джин Грин - неприкасаемый», которым зачитывались в 70-80 годы многие, появился на свет случайно. В доме творчества Коктебель в одной компании оказались Овидий Горчаков, Василий Аксенов и Григорий Поженян. Поженян, как и Горчаков, в войну был диверсантом и так же знал о войне такое, о чём в книжках не пишут. Аксенову любое знание могло заменить воображение. Так и появился на свет «закрученный» детектив «Джин Грин - неприкасаемый». Роман вышел под мудрёным псевдонимом, составленным из обрывков имён и фамилий авторов - Гривадий Горпожакс...

Умирая в 2000 году в Москве, Горчаков изъявил свою волю: пожелал, чтобы его прах был развеян над Хачинским лесом, что в Могилевской области. Именно здесь в 1942 году он был впервые заброшен.

Семерникова Оксана

Организаторы поиска группы «Максим 66»

Сердюкова Галина Платоновна.

Для многих учеников 60-70-х годов любимый учитель - Галина Платоновна Сердюкова. Она проработала в нашей школе сравнительно недолго, но оставила о себе в сердцах учеников светлую память. Быстрая, влюбленная в жизнь, веселая, общительная, она всегда куда-то спешила, что-то организовывала, с кем-то встречалась. Главными чертами ее характера были целеустремленность и постоянное стремление познать новое. Она работала завучем в нашей школе, а в 70-х годах – заведующей районо. По семейным обстоятельствам (мужа перевели на работу в Ростов- на-Дону) уехала из поселка и много лет работала директором одной из Ростовских школ.

Именно Галина Платоновна стояла у истоков развития краеведения в нашем районе. Об этом говорят все знавшие ее коллеги и ее ученики. Вспоминает Ольга Костенко (выпускница школы 1966 года): *«Особенно мне хочется рассказать о замечательной учительнице – Галине Платоновне Сердюковой. Историю и обществоведение она преподавала как-то по особенному. По этим предметам у нас не было отстающих выпускников. Параллельно мы изучали историю родного края. Изучали и сами писали историю многих предприятий станицы. Галина Платоновна возглавляла в нашей школе туризм и краеведение. Мы исходили весь район в поисках следов группы «Максим» два года несколько классов, в том числе и наши, занимались поисковой работой по этой группе, правда, место захоронения нашли другие краеведы. До сих пор помнятся наши походы, рассветы, закаты, палатки.»*

Галина Платоновна первой в районе сумела организовать настоящую поисковую краеведческую работу, наладить переписку с поисковиками других школ. Под ее руководством была восстановлена история пропавшей без вести группы «Максим 66» и найдено место ее захоронения. Альбомы, планшеты выполненные под руководством Галины Платоновны до сих пор используются при проведении экскурсий, подготовке классных часов и общешкольных вечеров.

Татаренко Григорий Степанович

Участник Великой Отечественной войны.

Призван на действующую службу в 1939 году. В боях с 1942 года. Воинская должность – командир отделения взвода управления артиллерийским огнем. Награжден двумя орденами Красной звезды, орденом «Слава» III степени, медалью «За отвагу». Был ранен.

Несмотря на то, что Григорий Степанович формально никогда не работал в школе он широко известен многим поколениям Орловских школьников, оставив большой вклад в историю Орловского Дома Пионеров, Орловской средней школы №1. Увлеченный фотограф и краевед на протяжении ряда лет он руководил краеведческим кружком при Орловском Доме пионеров. Походы с детьми, самостоятельные поездки на мотоцикле, опросы старожилов позволили за годы работы богатейший архив данных по военной истории Орловского района. Вместе с пионерами Григорий Степанович участвовал в поиске места гибели группы «Максим 66». Активно сотрудничал районной и областной прессой, писал статьи, исторические справки. Кроме изучения истории группы «Максим 66» изучал историю боевых действий партизанского отряда «Степной орел», описывал воинские захоронения и памятники. Сохранился рукописный архив воинских захоронений и памятников Орловского района, созданный Григорием Степановичем Татаренко.

Огромный вклад Григорий Степанович внес и в создание музея Орловской средней школы №1. Художественное оформление стендов первого зала музея, все работы по их установке были выполнены им, вместе с сыном. Григорий Степанович регулярно встречался со школьниками, рассказывая им военных страницах истории нашего района.

Евлахов Евгений

ОБЕЛИСК «Максим -66»

Обелиск «Максим – 66» установлен на железнодорожном перегоне – 333 км Сальск-Волгоград. Стоит в степи у железной дороги между разъездом Куренный и станцией Ельмут. Восточнее Ельмут 4 км, 15-20м. от полотна железной дороги, на крутом ее повороте. Обелиск находится на землях колхоза «Россия» Донского сельского Совета, Орловского района, Ростовской области.

Обелиск установлен по инициативе комсомольцев района. Открыт 1 октября 1967г. Обелиск установлен в годовщину 25-летия гибели партизанской группы. На открытии обелиска присутствовало около 4000 тысяч колхозников, рабочих и молодежи района.

Обелиск представляет из себя развернутое знамя. Древко знамени – четырехгранная стела 7м.высотой. Через стеллу в нижней части проходит, в виде полотнища знамени, стена. Все это установлено на прямоугольном пьедестале высотой до 40 см, ширина 8м, длина 5,6м. Вторая ступень основания – ширина 1,6м, длина 5,3м, высота 10 см. Затем отступив 80 см. от переднего края поставлена 7 м стелла с лицевой стороны 1,10 м, боковая сторона 0,80м. Через стеллу проходит стена длиной 4,5 м, высотой у стеллы 1,8 м, в конце 1,40м, толщина 50 см. Сооружен обелиск из кирпича и железобетона, оштукатурен цементным раствором.

Авторы обелиска местный художник самоучка тов. Алексеев Геннадий Федорович и бывший первый секретарь РК КПСС тов. Горбачев Валентин Никитович.

Обелиск возглавили бесплатно комсомолцы Орловской средней школы № 1 и колхоза «Россия» и многих организаций поселка Орловского.

Когда обелиск был сооружен десятиклассники-комсомолцы Орловской средней школы № 1 Саша Рыбалко, Саша Кулинский и Володя Клец выбили на белой стене, с западной стороны обелиска слова: «Они шли на смерть – обрели бессмертие». Следопыт и лучший художник этой школы десятиклассница Тая Рязанцева на черной доске старательно вывела 15 фамилий. Доска прикреплена на переднем скосе стены. Размер доски 50 см. на 1,2м. Сейчас на этом месте прикреплена мраморная мемориальная доска с той же надписью.

«Личный состав отряда «Максим»

Командир Черняховский Леонид Матвеевич 1914г.

Комиссар Быковский Василий Максимович 1913г.

Зам. Командира по разведке Солдатов Владимир Яковлевич 1921г.

Подрывник, комсорг Кисилев Степан Михайлович 1922г.

Снайпер, подрывник Кулькин Николай Степанович 1923г.

Снайпер, подрывник Лунгур Николай Семенович 1923г.

Подрывник Сидоров Иван Дмитриевич 1925г.

Подрывник Клепов Иван 1922г.

Подрывник Владимиров Владимир Владимирович 1925г.

Подрывник Хаврошин Николай Федорович 1925г.

Подрывник Анастасиادي Владимир Фемистоклович 1925г.

Подрывник Щарыгина Нона Никифоровна 1925г.

Заикина Валентина Ивановна 1923г.

Подрывник Васильев Павел Никитович 1920г.

Радист Печенкина Зоя Ефимовна 1922г.

У обелиска братская могила размером 1,6м х 3,10м. К северу высота 40, к югу 30 см. Она находится с восточной стороны обелиска. Братская могила обрамлена бордюром, сверху покрыта мраморной плитой, на которой с северной стороны звезда, посередине цветок гвоздика.

В эту братскую могилу были перенесены останки погибших партизан. Останки перенесены в сентябре месяце 1967г. До этого они находились восточнее бывшей будки на 333 км. В 1943 году колхозники их похоронили в яме недалеко от переезда, насыпали

холм и поставили деревянный столб со звездой. Затем будка была за ненадобностью разобрана, а могильный холм зарос травой, за ним никто не стал ухаживать.

При раскопках были найдены обрывки газеты «Правда» несколько тюбиков вазелина и другие предметы подтверждающие о том, что здесь похоронены «Максимовцы». Одна из девушек перед походом писала письмо матери, что набрала много вазелина, но командир отряда приказал выбросить лишний груз, но она все же схоронила несколько тюбиков. Вот они и были найдены при раскопках в окровавленном кармане шинели.

У обелиска много всегда цветов. Они посажены комсомольцами. Сюда приносят цветы пионеры, шофера проезжающие мимо, трактористы, работающие на полях.

В 1971г. к 9 мая труженики колхоза «Россия» обновили обелиск. На обелиске установлены зеркала-отражатели. Когда мимо обелиска проходят поезда, то далеко вокруг слышатся мощные гудки тепловозов. Это машинисты славят бессмертный подвиг комсомольцев.

Открытие обелиска состоялось 1 октября 1967г. Тысячи людей со всего района пришли и приехали на открытие. Приехали родители и родственники героев: мать и отец Анастасиади – Александра Ивановна и Фемистокл Христофорович Анастасиади; брат Леонида Матвеевича Черняховского- Александр Топчийн; сын Василия Максимовича Быковского –Том Васильевич и сестра Раиса Максимовна; мать Вали Заикиной- Мария Павловна и сестры Елизавета и Лена; отец Коли Лунгор – Семен Евстратович и брат с женой; мать Вани Сидорова – варвара Федоровна, сестра Валя и брат Виктор, племянник Павла Васильева; автор книги «Максим не выходит на связь» Овидий Александрович Горчаков.

Митинг открыла секретарь РК ВЛКСМ Зубкова Александра Михайловна. С краткой речью выступил секретарь РК КПСС Валентин Никитович Горбачев. Он же перерезал ленточку и все увидели на памятнике гордые, величаво-скорбные слова: «Они шли на смерть – обрели бессмертие».

В сентябре 1969 года, в день второй годовщины открытия обелиска проведен областной комсомольско-молодежный митинг. Его участниками были комсомольцы Сальского, Дубовского, Зимовниковского, Целинского и др. районов нашей области. На митинге присутствовали мать Вали Заикиной–Мария Павловна, сестра Зои Печенкиной – Анна Ефимовна Попова, бывший начальник школы подрывников –разведчиков в г. Астрахани Алексей Михайлович Добросердов.

С речами на митинге выступили Член ЦК ВЛКСМ и обкома комсомола И.И. Афанасьев, ветеран двух воин А.Ф. Сайгак, секретарь РК КПСС В.Н. Горбачев и др. Этот митинг запечатлен на любительском кинофильме.

6 января 1973 года в честь 30-летия освобождения района от фашистских захватчиков проведен массовый молодежный митинг района. На этом митинге побывала делегация из Ахтубинской средней школы, в которой училась юная партизанка Валя Заикина.

Здесь сходятся все маршруты походов молодежи района по местам боевой и трудовой славы. Комсомольцы, молодежь района сделали это место священным. Стало традицией, что каждый молодой человек перед вступлением в комсомол знакомится с историей подвига группы «Максим». У обелиска проходят торжества по вручению комсомольских билетов, приему в пионеры, проводы юношей в армию.

В районном историческом народном музее оформлен специальный раздел «Партизанское движение в районе». Выставлен макет памятника Вали Заикиной, который установлен в г. Ахтубе. Шкатулка с землей, взятой на родине Вали Заикиной и другие материалы.

Член Ростовского союза журналистов Юрий Немиров написал пьесу «Поклонись обелиску» и песню «Моя Орловка». Участники народного театра Орловского Дома культуры поставили эту пьесу на сцене.

На районной комсомольской конференции Максимовцы избираются в почетный президиум.

Пятнадцать отважных навечно зачислены в списки комсомольской организации Орловской средней школы №1.

В колхозе «Россия» во дворце культуры х. Гундоровского художники Ростовского союза художников оформили панно, воспроизводящее битву «Максимовцев» на перегоне железной дороги.

Все началось с письма Овидия Горчакова.

Горчаков был в США и купил там книгу воспоминаний гитлеровского офицера Петера Ноймана, который описал трагедию, которая произошла зимой 1942 года на железнодорожном перегоне.

Письмо от Горчакова в поселок Орловский пришло в 1962 году. Горчаков просил разыскать место гибели отважных комсомольцев.

Первыми включились в поисковую работу пионеры Орловского Дома пионеров под руководством местного краеведа Татаренко Сергея Степановича. Они разыскали место гибели Максимовцев об этом хорошо сказано в заключительной части книги «Максим» не выходит на связь.

Затем подключились в поисковую работу комсомольцы Орловской средней школы № 1 под руководством учителя истории Сердюковой Галины Платоновны. Эта школа и завершила сбор материала и добилась открытия обелиска.

Партизанская группа «Максим-66» была подготовлена в г. Астрахани и заброшена в тыл противника 18 ноября 1942 г. и вскоре вышла в район заветное. В пути они узнали что наши войска перешли в наступление под Сталинградом. В конце ноября командиру отряда Черняховскому было приказано передислоцироваться в район Пролетарск-Куберле. В архиве есть лаконичная запись: Состав -15 человек, Один член партии (комиссар), комсомольцев – 10 человек, беспартийных четверо. Вооружение – 6 автоматов, 4 винтовки, 4 карабина, пистолетов-2, мин-65, патронов 4500. Продовольствия на 10 дней. Задача – налеты на железную дорогу в районе Орловского.

В ночь с 2 на 3 декабря 1942 года партизаны получили приказ любой ценой задержать эшелоны, которые будут перебрасываться из Пролетарской на Котельниково с бронетанковой дивизией СС «Викингов» на помощь группе Манштейна. Командир группы Черняховский вывел свой отряд к 333 км. железной дороги. В этом месте дорога делает крутой поворот и к нему ближе подходит лесная полоса.

Партизанская группа ценой своей жизни задержала головной эшелон с полком СС «Норланд» не на час и не на два. План генерала фельдмаршала фон Манштейна был сорван- головной эшелон дивизии СС «Викингов» задержался в пути на сутки.

Группа «Максим-66», выполнив задание, ушла из жизни. Но уходя из жизни, герои не исчезают бесследно, не уходят в небытие. Подобно путеводным звездам, светят людям. Как свет давно угасших звезд с большим опозданием, через много лет, через десятилетия, доходит до нашей планеты, так и подвиг группы «Максим» дошел до нас через долгие два десятка лет.

По инициативе Орловского районного отделения общества охраны памятников истории и культуры в 1974 году изготовлен наградной знак «Максим-66», который вручается всем кто приезжает в район с экскурсией. Одни из первых получили такой сувенир Болгарские друзья из Плевенского округа.

Историческую справку составил
ответственный секретарь Орловского
районного отделения общества
охраны памятников истории
и культуры
20 января 1975года.

Татаренко Григорий Степанович.

Мифы и правда о группе «Максим 66»

Среди множества трагедий Великой Отечественной войны история подвига и гибели группы «Максим 66» все же выделяется и стоит несколько обособленно, и не потому что группа проявила мужество и героизм, не потому, что погибла в первом бою и на долгие годы пропала без вести, а потому единственным автором, описавшим в своих мемуарах подвиг группы был фашист и фактически один из убийц группы эсесовец Петер Нойман. Не сохранилось никаких официальных документов о произошедшем событии, но все же многолетний поиск, проведенный Овидием Горчаковым и школьниками Орловской средней школы, дал результат и имена героев были установлены.

Но, к большому сожалению, принято в настоящее время в интернете появилась масса публикаций с «альтернативными» взглядами на трагические события 2 декабря 1942 года. Происходит ли это по злему умыслу, или от желания прослыть знатоком военной истории и прославиться мне не совсем ясно, но погибшие герои ответить «новым русским историкам» не могут. Поэтому, с целью прояснить для современной молодежи события тех героических лет, мною и научно - исследовательским обществом «Память» Орловской средней общеобразовательной школы №1 проведено исследование, с целью анализа на достоверность, всех современных (альтернативных) версий событий 2 декабря, а также первоисточников по подвигу группы «Максим 66». В результате исследования было установлено, что в интернет источниках имеется несколько основных «новых» версий событий. Все они являются современными мифами, которые при серьезном рассмотрении не выдерживают никакой критики, но все же я о них расскажу.

Миф №1

Петера Ноймана не существовало, вся книга вымысел французского писателя.

Цитата из книги Бориса Соколова «Красная Армия против войск СС»: Эта книга, впервые вышедшая в 1956 году на французском языке под названием «Черный марш», затем была переведена на английский и стала бестселлером в США. «Черный марш» выдавался за подлинный дневник офицера дивизии «Викинг» (в конце войны — гауптштурмфюрера). На самом деле «Черный марш» — это художественное произведение, и не только потому, что в «Викинге» никогда не было офицера Петера Ноймана. Характерно, что немецкого издания книги до сих пор, кажется, не появилось, что наводит на мысль, что первоначальный текст был написан не на немецком, а на французском языке. «Черный марш» — это, несомненно, пропагандистский роман, замаскированный под подлинный документ.

Подделка... Циничная и гнусная... Искал в справочниках Петера Ноймана гауптштурмфюрера (капитана) СС из дивизии "Викинг", награжденного 2(!) железными крестами и серебряным значком СС. Не нашел... Как и не нашел пресловутого значка. Искал штурмбанфюрера (майора) СС Штреслера, сотрудника СД - все тот же результат. Странной выглядит любовная линия еврейка в 1939 году не в лагере и без звезды, а партийный функционер крутит с ней роман...фу... А вот у Овидия Горчакова опять встречаю те же лица - и Нойман, и Штреслер, и Рекнер (уже фон)... Но один из Гривадия Горпожакса (намек на Овидия Горчакова в соавторстве написавшего детектив «Джин Грин-неприкасаемый» авт.), написавшего политический памфлет-детектив "Джин Грин неприкасаемый" на мой взгляд не заслуживает доверия. В общем и целом - фантастика, которой не место в серии мемуаров....

Тут в издательстве Центрполиграф вышла очередная книга из серии "За линией фронта. Мемуары", под названием "Черный марш. Воспоминания офицера СС", автор некий Петер Нойман.....но это совсем не мемуары.

Я почти сразу понял, что к реальным событиям это имеет очень отдаленное отношение. Это захватывающий приключенческий роман, беллетристика, про "доблестных" СС-овцев с садистскими наклонностями и упертых русских "Иванах", а также злобных партизанах.

По сюжету этот "истинный ариец" служит в 5-й дивизии СС "Викинг" с ней и кувырвался по всем нашим полям и весям...

Мне стало интересно, кто же автор этой книги на самом деле. Порывшись кое-что нашел. Оказывается схожие персонажи и сюжеты есть в повести Овидия Горчакова "Максим не выходит на связь". Но откуда он их взял?

Оказывается эти сюжеты взяты из приключенческого романа увидевшего свет на французском языке сразу после войны французского беллетриста Жоржа Бернажа под названием "Черный марш".

Бернаж скрыл свои подлинные имя и фамилию под псевдонимом "Петер Нойман", вероятно чтобы не быть в случае чего уличенным в слишком уж вопиющем передергивании фактов и придавшего своему сочинению форму якобы подлинного дневника офицера дивизии СС "Викинг".

Такое большое количество «критиков» меня не просто удивило, потрясло, то, что большая часть из них настроена явно профашистски и антирусски.

Да! Петера Ноймана возможно и не было в списках дивизии Викинг, да возможно он и не был награжден двумя крестами, но разве каждый автор пишет собственную фамилию на обложке книги. Если учесть, что первоначальный вариант книги был издан во Франции в начале 50-х годов, а Франция не США, там хорошо помнили о зверствах эсэсовцев, (СС была признана преступной организацией во время Нюрнбергского процесса) – подлинный автор вполне мог опасаться за личную свободу, а потому неудивительно использование псевдонима. Замечание об отсутствии немецкого издания, вообще мне кажется странным. Петер Нойман эсэовец – в Германии не публикуют книги военных преступников.

Кроме того, критики воспоминаний Ноймана указывают некоторую путаницу в датах, типах вооружений Красной армии, отдельных событиях на фронте. Мне кажется все это подтверждает, что книга действительно является мемуарами, не вполне обработанными, и что автор событий действительно был там, где происходили события. Если допустить, что книга вымысел и написан французом не бывавшим на территории Ростовской области, откуда он мог знать о наличии сгоревший лесополосы (по тексту леса, весьма не характерного для степной зоны, ночью Петер Нойман мог перепутать лес и лесополосу), о маленькой деревушке на берегу реки Куберле, в которой он 4 декабря похоронил своего друга (действительно дивизия Викинг ожидала почти сутки очереди на движение в поселке Куберле, располагавшемся на берегу одноименной реки, о существовании этой реки в настоящее время знают не все жители Орловского района, и уж тем более о ней бы не знал автор вымышленной книги, тем более что на Куберле не было больших сражений, упоминающихся в других мемуарах). Но самым главным подтверждением подлинности является то, что поиск группы велся по тексту, написанному фашистом. Были проверены все сгоревшие в годы войны лесополосы на участке дороги от Пролетарской до Куберле, их оказалось три. Дальнейший опрос местных жителей указал на место расстрела группы «Максим 66», была обнаружена и могила, в которую, именно в декабре 1942 года, были захоронены тела партизан. Вблизи захоронения были обнаружены полусасыпанные окопы, стреляные гильзы, что тоже подтверждает факт боя, так как ни летом, при отступлении, ни в январе во время освобождения боев на этом участке дороги не было.

Таким образом, утверждение о том, что книга является вымыслом, не соответствует действительности, в книге слишком много правды, что бы подвергать сомнению ее подлинность, а значит и подвиг, описанный в книге, имел место.

Миф №2

На гибель отправили неподготовленных детей.

Да в бой вступили молодые люди, по нынешним временам почти подростки, но и выросли тогда раньше и призывной возраст был в те годы 17 лет. Да они были юными, но достаточно взрослыми по меркам военного времени. Что же касается уровня подготовки, то и здесь точка зрения любителей сенсаций, наверняка навеянная

антисоветским фильмом «Сволочи», не выдерживает никакой критики. Способна ли неподготовленная группа, с запасом продуктов на 10 дней пройти незаметно по тылам противника несколько сотен километров (другие группы не дошли до железной дороги), способна ли неподготовленная группа в ночных условиях, без ориентиров в степи выйти в незнакомой местности к определённому участку дороги, способна ли неподготовленная группа начать бой и вести его до последнего патрона, вызывая ужас у атакованных фашистов. Вот что пишет Петер Нойман

«Франц опускает одной рукой вниз то, что осталось от окна купе. Из-за обледенения рама поддается с большим трудом. Осторожно поднимаю голову и смотрю на темный ряд деревьев примерно в 50 метрах.

Партизаны устроили засаду в месте, где железнодорожный путь проходит через лес. Смутно различаю темные контуры соседних вагонов. Мы к тому же на повороте железнодорожного полотна.

Все продумали, сволочи!

... Эти черти, должно быть, ждали, когда солдаты выберутся из поезда. Вот почему они позволили нам сделать пробежку. Чтобы мы не знали, где именно они находятся.

Черная эсэсовская форма представляет собой прекрасную мишень на фоне белого снега. Град пуль отлетает рикошетами от камней и гальки железнодорожного пути.

– Ублюдки! – рычит голос. – Сколько их там?

В ночи раздаются стоны. Видимо, пули попали в нескольких наших солдат.

Лежа на снегу, мы посылаем в черный ряд сосен длинные автоматные очереди. Целимся в яркие вспышки, мелькающие в темноте и выдающие позиции большевиков.» (подчеркнуто мной авт.)

Миф №3

В бою погибла не вся группа.

Поводы для возникновения этого мифа возникли как в период поиска захоронения группы, так и после обнаружения могилы «Максимовцев». Причиной для его устойчивого существования является то, что в могиле были обнаружены останки 12 бойцов. Да и в книге Ноймана указывается на десяток раненых и двух женщин, а в составе группы было три женщины и двенадцать мужчин. Среди жителей поселка Маныч, и по сей день, известна история гибели разведывательной группы 28 армии. В декабре 1942 года в поселок Маныч пришла группа из трех красноармейцев (два мужчины и одна девушка). Голодные они вошли в первую попавшуюся избу, но были выданы кем-то из местных жителей. По преданию солдат полицаи расстреляли там же, а девушке дали возможность уйти, но далеко ей скрыться не удалось, ее застрелили немцы в балке возле озера Круглое.

Версия о том, что кто-то из группы выжил крайне маловероятна по двум причинам: во первых непонятно где они скрывались несколько дней, и что ели, (продукты у группы должны были закончиться еще в конце ноября). Кроме того следует понимать, что от места боя до поселка Маныч более 80 километров, которые надо было как-то пройти без продуктов. Если бы их кто-то укрывал об этом все же стало бы известно после войны, сведений об укрытии партизан краеведам найти не удалось. Кроме того весной 1943 года в поле неподалеку от места боя местным жителем Пашенко были обнаружены тела двух бойцов и девушки, которые были им захоронены в братской могиле хутора Романовский. По мнению Овидия Горчакова скорее всего это были два бойца охранения и радистка Зоя Печёнкина. Мало вероятно, что бы радистка и бойцы охранения оказались в передних рядах нападавших, скорее всего во время боя они пытались вырваться из кольца окружения и погибли.

Миф №4

О месте гибели группы Максим и последней радиогамме.

Так в степи под полустанком Куберле в ночь с 2 на 3 ноября 1942 года погибла диверсионно-разведывательная группа № 66 «Максим», а наше командование объявило ее без вести пропавшей. Радиогамма Черняховского дошла до командования вовремя. Высланные на перехват эшелона штурмовики целый день бомбили его на перегонах между станцией Орловской и разъездом Куберле

бомбила их. Пришлось эсэсовцам разгружаться в полевых условиях и двигаться своим ходом. На это ушло четверо суток.

Миф о месте гибели распространяется по интернет сети, каким-то странным образом. Куберле как место гибели группы указывается большей частью авторами пишущих на тему гибели группы. Ошибка боле чем в 50 километров. Такая ошибка говорит о том, что авторы этого мифа даже не пытались ознакомиться с широко известной информацией по истории подвига группы, а просто фантазируют на данную тему. Еще одной фантазией является и радиограмма о нападении на поезд, переданная Зоей Печенкиной в центр, Смысл этих фантазий, скорее всего, заключается в желании приукрасить события и сделать гибель группы еще чуть более героической. Мне кажется погибшие герои не нуждаются в таком «приукрашивании» событий, их смерть и так не вызывает сомнения в их героизме. Причиной же появления версии о радиограмме является вольная трактовка двух фраз из книги В.И. Пятницкого «Разведшкола 005»

Из последней радиограммы от группы было известно, что она вышла в район хуторов Верхний и Нижний Зундовы и осела на берегах реки Маныч. Но это произошло уже в начале декабря. На этом связь с группой «Максим» прервалась. Видимо, Черняховский сберегал [64] батареи питания радиопередатчика. Ведь запас их был строго ограничен, а впереди была неизвестность.

2 ноября 1942 года диверсионная группа «Максим» получила по радио указание перекрыть железную дорогу в районе полустанка Куберле. Выполняя приказ, группа Л. М. Черняховского взорвала железнодорожный путь под первым эшелон дивизии СС «Викинг». Противник не ожидал ничего подобного и двигался эшелонами по одноколейной железной дороге.

Подорвав паровоз и железнодорожный путь под ним, командир «Максима» успел передать по радио в штаб сообщение об этом. Я уже писал выше, что наша спецшкола для связи с диверсионными группами, заброшенными в тыл противника, пользовалась радиоузлом разведотдела штаба 28-й армии. Через него донесение Черняховского моментально передали штабу Сталинградского фронта.

На разных страницах книги противоречивые данные, причем вторая цитата написана со слов (*об этом прямо говорится ниже по тексту авт.*), а не по архивным данным. Более того В.И. Пятницкий допускает ряд серьезных ошибок: ошибается с местом боя (указано Куберле), называет Куберле полустанком – в те годы, да и сегодня тоже, Куберле крупная станция. Кроме того от хуторов Верхнее и Нижнее Зундово до станции Куберле более 25 километров по прямой на север, а для того, что бы выйти к железной дороге по кратчайшему пути, группе необходимо было двигаться на запад, что она и сделала – место боя расположено строго на запад от хуторов Верхнее и Нижнее Зундово.

Кроме того Овидий Горчаков о радиограмме с места боя не упоминал, а он в отличие от подавляющего большинства авторов, работал с архивными материалами именно группы «Максим 66». Думаю если бы такая телеграмма была, то он бы о ней обязательно упомянул, да и мне кажется невероятным, что бы радистка во время боя разворачивала рацию, забросив многометровую антенну на дерево, а затем, достав блокнот, шифровала бы сообщение во время боя, а затем передавала в центр. Скорее всего, она бы уничтожила шифровальный блокнот и радиостанцию.

Миф №5

Горчаков был посредственным писателем, книга слаба, да тексты он фактически «списал» у Ноймана дописав лишь отдельные главы.

Как это неудивительно, но критиковать книгу стали еще в 1966 году (журнал Новый Мир, №2.Статья В.Кардина «Легенды и факты»).

«Немного, совсем немного сведений удалось собрать О. Горчакову. Но каждая подробность, каждая строчка из чудом уцелевшего письма - они бережно приведены в очерке - бьют в сердце.

К чувству восхищения героизмом павших прибавляется чувство благодарности к их сотоварищу и сверстнику, вернувшему нам их имена, их беззаветный подвиг.

Казалось бы, можно лишь радоваться тому, что через два года после небольшого очерка "Группа "Максим" О. Горчаков опубликовал большую повесть "Максим" не выходит на связь" ("Молодая гвардия", №№ 10, 11, 1965).

Однако даже самое неискушенное ухо, сопоставив оба названия, почувствует: произошло незаметное переключение тона. Новое название слегка отдает детективом.

Дело, конечно, не в названии, и в конце концов "Максим" не выходит на связь"-- вовсе не детективное произведение. О. Горчаков слишком хорошо понимает несоответствие трагедии на станции Пролетарская завлекательному жанру, его, надо полагать, коробит, когда подобные трагедии с предпринимательской поспешностью превращаются в легкое чтиво. Но дань литературным поветриям он все-таки отдал.

Фактов, содержащихся в очерке, для повести было явно недостаточно. Пополнить их новыми документальными сведениями, судя по повести, автору не удалось или почти не удалось.»

Что мог найти Горчаков через двадцать лет после Победы. Люди, которые знали «Максимовцев» по службе уже отчасти погибли, отчасти умерли, да и служили ребята не так долго, что бы врезаться в память товарищам. Они были одними из многих диверсантов, ушедших за линию фронта и не вернувшихся. Одним из обвинений Горчакова является то, что он слишком много внимания уделили фашистам Петеру Нойману и его друзьям, но врага надо знать в лицо. Нойман и ему подобные начинали свой жизненный путь не как убийцы и садисты, но они ими стали. Мне кажется Горчаков не зря на протяжении всей книги использовал в качестве эпиграфов слова Юлиуса Фучика. Мне кажется, что сегодня спустя 70 лет многие забыли, что для нас значила Великая Отечественная война, что такое фашизм, как становятся фашистами и художественно- документальная повесть «Максим не выходит на связь» может заставить подумать о войне.

*Руководитель музея
Орловской средней
общеобразовательной школы №1
Александровский С.В.*

Подвиг группы в стихах Орловских авторов

Пулеметная очередь и тишина.
Только звезды над степью немые, как вечность.
Проходили часы, продолжалась война,
Падал снег на холодные спины и плечи.
Неподвижно лежали 15 солдат.
Остывали сердца, переставшие биться.
Зимний ветер им что-то шептал наугад,
Прикасаясь слегка к побелевшим ресницам
Нет. Над ними не плакали матери их,
Мертвых губ не касаясь губами своими
Вдалеке от друзей, вдалеке отрядных
В ту декабрьскую ночь жизни их оборвались.
Но они не погибли. В бессмертье ушли. .
Встал в степи обелиск величавый и строгий.
А вокруг тишина, а вокруг ковыли
И прожженные солнцем степные дороги.
И такая бездонная мирная синь.
Шепот ветра и алого знамени всплески.
Поклонись же, товарищ, всем отдавшим жизни
За тебя, за меня, за счастливую песню.
Слез не нужно ты видишь сквозь толщу годов
Молодые глаза и улыбки Максима.
Как тревожно гудит паровозный гудок
Голубого состава идущего мимо

Наталья Худякова

Молча в окопах люди лежат
Рядом со звоном рельсы дрожат
Гудок паровоза слышен во тьме
Люди плотнее прижались к земле
Взрыв раздаётся команда: Вперёд!
Нет, к Сталинграду враг не пройдет!
Слышатся стоны и голоса,
Враг был задержан на два часа...
Ветер колючий, да снег в лицо
Силы не равны. Короткий бой.
Что же случилось «Максим» с тобой?
Твои позывные в эфире звучат
Так почему же радисты молчат?
Плачут товарищи, слёз не стыдясь,
Так и не вышел «максим» на связь
В степи обелиск величаво стоит
Помнят потомки тебя «Максим».

Галина Кругликова

Чёрные вороны. Чёрточки чёрные.
Викинги едут, поскрипует бронь.
Степь белоснежная- дева дородная
Плащик накинула чёрный ночной.
Ветер с волками бродил, ерепенился.
В балках насвистывал воинский марш.
Снег невесомый, снежинка- безделица.
Стелется белый бесформенный фарш.
Ангелы смерти слетелись из Астрахани.
Мина заложена, поздно бежать.
Взрыв и посыпались звёздочки алые,
Замерли викинги. Страх. Благодать.
Ангелы юные. Бой продолжается.
Видно последний, бесстрашный, святой.
Снежные искры в глазах отражаются,
Рвение волчье, небесный огонь.
Было пятнадцать. Остались, кто выжили.
Выжали соки, последний патрон.
Час продержались. Фашисты приблизились.
Взяли оставшихся. Смерть?! Не впервой!
Юность молчала, ни слова, презрение.
Пытки напрасные. Каждый- герой.
Вновь потеряли фашисты везение.
С неба спускается звёздный конвой.
Имя- бесстрашие, каждому воину.
Звание высшее- человек.
Память на веке. Бескрайняя, вольная.
Родина, мама, декабрьский снег.

Алексей Жмуренко

У обелиска

Снег замер, словно в передышке,
Вокруг ни звуков, ни тревоги
Стоят девчонки и мальчишки
У старой рельсовой дороги.
Когда-то здесь во имя жизни
Такой же зимнею порой
Сыны и дочери Отчизны
Вступили в свой последний бой.
В порыве долга, как в молитве,
Сомкнулись души и сердца,
Все поняли, что в этой битве
Стоять придётся до конца.
Враг злобой изошёл в бессильи,
Палач в грехах за пытки мечется,
Но люди обретали крылья
В борьбе с отродьем человечества.
Когда горячие тела
Свинцовая пронзила вьюга,
В сердцах их Родина была
И гордость стойкостью друг друга.
Снег замер, словно в передышке,
Вокруг ни звуков, ни тревоги.
Стоят девчонки и мальчишки
У старой рельсовой дороги.
На припорошенном металле
Они читают имена
Солдат, что были крепче стали,
Но жизнь подрезала война.
Всего их числилось пятнадцать
В отряде с именем Максима,
Но каждого за взвод сражаться
Звала неведомая сила.
Исход был страшный и простой,
Но нет у подвига конца-
Дух мужества, как долг святой,
Селился в детские сердца.

Иван Безуглов 2006г

Они шли на смерть, обрели бессмертие
(Эпитафия на обелиске группе «Максим-66»)

1

Был декабрь...
Потом была весна.
Время шло и уносило беды,
Отгремела страшная война,
Наступил великий День Победы!
День Победы и тревожной памяти,
Памяти, негаснущей веками.
Из могил вы, павшие, не встанете,
Но всегда вы в жизни с нами.
Я стою у каменной плиты.
Степь чарует майским перезвоном,
Тянутся весенние цветы
К обелиску из травы зелёной.

1

Тучи в небе проплывают низко,
Степь пылится в снежной круговерти.
Молча я стою у обелиска,
Думаю о жизни то о смерти.
Немудро жить долго и беспечно,
Смерть, как забвенья, опасаться.
Суждено не всем, увы, навечно
В памяти людской живым остаться...
Было их пятнадцать, но не сник
Ни один при схватке с палачами.
Было их пятнадцать, но у них
Родина стояла за плечами.
Снег кружит.
Вокруг былым-бело,
В пелене дерева, словно свечи.
Тропку зимней вьюгой замело,
Но маршрут их памятью помечен
Годы в них хранят святыи лики
К подвигу пришедших сквозь пургу,
И лежат остывшие гвоздики,
Красные на голубом снегу!
Обелиск взметнулся в небо синее,
Блики солнца племенем горят
На словах, что через холод инея
О людском бессмертии говорят.
Я сполна у подвига в плену-
Образы героев в сером сплаве,
Так дух их будоражит тишину
В окружившей обелиск дубраве.
Пухом праху им ночной порою
Стала наша скорбная земля,
Спят спокойно много лет герои,
О небесном не моля.
Но когда стучат над головой

На «железке» мощные составы,
Души павших снова рвутся в бой
Ради жизни, а не ради славы.
Видится им трудная дорога
По степи в морозы и снега
Испытать в пути пришлось так много,
Чтобы сразить бесстрашием врага.

2

Присяга принята,
Приказ есть,
Установка проста и строга:
Группа «Максим-66»
Направляется в тыл врага.
Ночь.Тьма.
Прочь страх!
Идет по степи колонна.
Справа-враг.
Слева-враг.
Впереди-фронтальная зона.
Тихий говор:
Вопрос- ответ,
Не вырони лишнего слова .
Слепнут глаза от вспышек ракет
И от ветра шального.
Небо покрыла сплошная мгла-
Ни купола,ни горизонта,
Радел сам Бог,чтоб группа смогла
Пересечь линию фронта.
Она здесь,
Рядом где-то.
Чужая речь вдалеке слышна.
Но в небо стрелой взмывает ракета,
И валит группу.
Атас! Тишина.
Минута – другая, и вновь – вперед,
Метр за метром, за шагом шаг.
Прижавшись к земле, группа ползет-
Знает пусть наших враг!
Грязь. Пот.
На губах-соль.
В кровь изодраны руки.
Но долг завет!
Отступает боль,
Мельчают , легчают муки.
Дай Бог терпения!
Ещё рывок!
Скрылись посты-авангард эшелона.
Ползти уже больше никто не мог,
Встала во весь рост колонна.
Сил нет.
Но надо идти,
Идти до конца,идти до упада.

Сердце отстукивает в пути:
«Надо!Надо!Надо!».
Дорога без края.
Привала нет.
До боли истерты ноги.
Но, благо, над степью брезжит рассвет,
Он отдых несет ...и тревоги.

3

«Подтянуться!- Черняховский строго,
По-отечески, окинул взором лица.-
День грядет , пройдем ещё немного.
Скоро тальник, сможем приземлиться».
Больше трех десятков километров
По степи безлюдной отмахали,
Дождь и снег с холодным хлестким ветром-
Всё в нелегком марше испытали.
«Стоп! Привал»,-
Бальзам,а не слова.
Общий вздох. Лишь Нонна оплошала...
«Что с тобой, Шарыгина, вставай!»-
Но она безжизненно лежала.
«Валя,помоги ей!»-
«Дай пройти...».

Нашатырь и ловкие движенья
Жизнь вернули.Девочка в пути
Чувств лишилась от изнеможенья.
Все укрылись в тальнике густом,
Выставлены сменные дозоры.
Завтрак- по-солдатски.А потом
Потекли о жизни разговоры.
Коля Кулькин, балагур и весельчак,
Будто не было пути длиною в сутки,
Ведь устал же ,но не мог никак,
Чтоб не выдать развеселой шутки.
Вскоре наступило время сна,
Но порядки в группе были строги-
Перед отдыхом сестра должна
Осмотреть и обработать ноги.
Боже мой! Какой тут,право,смех,
Молодые-то-то неумехи!
Сбиты стопы до крови у всех,
В дело спирт пошёл-не до потехи.
Всех почти мгновенно сон сморил,
Но не спят ребята в карауле,
Командир их просьбой предварил,
Чтобы разбудить не преминули.
Короток день зимний, ночь- длинна,
Отдохнуть бы,а не отоспаться ,
Чтобы ,пробудившись ото сна,
Ночь на трудном марше продержаться.

4

Подъем! Пора...

Зовёт дорога,
Каждый час на счету.
Идти придется трудно и много,
Используя темноту.
Цель поставлена,
Силы взвешены.
Надо к началу дня
По бурунам и лиманным плешинам
Выйти на Ергеня.
Солдатов и Клепов- разведдозоре,
Командир-впереди колонны,
Комиссар – в хвосте,ему на горе
Слушать все охи и стоны.
Но никто не писался в нытики,
На лицах ни страха нет,ни печали.
Взять дистанцию с первой попытки
Решили в самом начале.
Каждый в порыве отважен и смел-
что молодые невзгоды?
Кто-то в-полголоса даже запел
Про боевые походы.
След в след, шаг в шаг
Ложится на землю вязью,
Чавканье шумом стоит в ушах-
Снег под ногами с грязью.
Один километр, третий, пятый.
Счет пошел на десятки.
Все меньше сил, но идут ребята,
Такой они-крепкой хватки.
Усталость - коварный и подлый враг.
Тихо входила во все очаги,
Тянул все сильнее за плечи рюкзак,
Вязли в снегу сапоги.
Спина взмокла.
Во рту - сухо.
Сознание – на грани провала.
В запасе осталась лишь сила духа.
Как дотянуться до привала?
«Больше жизни! Держись меня», -
Передал командир по строю,
Маячит уже впереди Ергеня –
От вражеских глаз укроют.

5

Таял снег на вымученных лицах,
След в степи позёмка прикрывала.
Брезжил день. Пора остановиться,
Место обустроить для привала.
Разом вырвалось пятнадцать вздохов,
Каждый вынес радость от победы:
Покорен маршрут совсем неплохо,
Скрыла ночь все слабости и беды
Всем – в обрез, а командиру – мало,

Жаль, нельзя идти дневной порой.
«Как дела, Печёнкина, устала?
Передачик, будь добра, настрой» -
Так в степи на склоне перевала
Зашумела радиоволна
«Слушайте!» -
Москва передавала,
Как идет священная война.
Голос Левитана падал в души,
Новость – радость в радость
то, что надо:
Наши планы вражеские рушат,
Гонят фрицев прочь от Сталинграда.
«Это праздник по большому счету! –
Командир в восторге был от сводки. –
Завтрак будет нынче всем в охоту,
Разрешаю по сто граммов водки.
Но сначала – дело. Надо срочно
Отстучать в штаб армии шифровку:
Что и как у нас – предельно точно
Доложить по группе обстановку».
Решено до отдыха побриться
И в порядок привести пожитки.
В этот день, быть может, всем приснится
Дом родной и мама – у калитки.
А у комиссара – рядом где – то
В хуторке сынишка и жена,
Он об этом думает с рассвета,
И сейчас солдату не до сна.
На минутку забежать хотя бы,
От тоски душою отойти.
Ну а вдруг... Нет! Нервы у него не слабы,
Он не может группу подвести.

6

Ночь – марш.
День – сон.
За сутками следуют сутки.
Все чаще слышен во сне стон,
Невыносимый и жуткий.
Ветер крепчает.
Мороз жмет.
Стынут ноги.
Немеют руки.
Но ночь настает, и группа идет,
Преодолевая муки.
Стынь. Боль.
Нипочем – все.
В комок собраны нервы.
Командир, как крест за плечами несет,
Командир идет первый.
Час. Стоп!
Короткий привал.

На большее сил не хватало.
А тут товарищ на марше упал,
Тащить пришлось до привала.
За шагом шаг в тылу врага –
Лучше бы встреча лицом к лицу,
Всюду, куда ни ступает нога,
Здесь ходит смерть по кольцу.
Но цель зовет, отступает страх,
Остерегись друг!
Неодолим враг.
Впереди - главное дело.
Чужая речь.
«Ребята, ложись!»
Обоз по дороги плетется.
Румыны». –
«Ну что, скажите, за жизнь!
Пальнуть бы...» -
«Кому там неймется?» -
«Передохнули?».
Встряхнулись. Встали.
Командир по цели передал:
«Подтянулись!».
Члены группы изрядно устали,
Куда путь преградил Сал.
Глубока ли река?
Крепок ли лед?
Все замерли в пойме на спуске.
Разведчик Солдатов первым идет,
Не идет, а ползет по-пластунски.
Взята преграда! Надежность льда
Не вызывала сомнения,
Река- это жизнь, есть вода,
Значит, есть движение.

7

Уходила ночь. В рассветной сини
Гасли всплески утренней звезды.
День решили провести в лощине,
В зарослях поодаль от воды.
Киселев Степан и Лунгор Коля
Первыми в дневной дозор ушли,
Остальным досталось легче доля –
Врывшись в снег, на отдых залегли.
Час на сон, и столько же в дозоре,
Холод диктовал свои порядки.
Шла побудка. Бил озноб, и вскоре
Все узнали пользу физзарядки.
В это утро выдались поблажки:
Хочешь пить – пей воду доотвала,
И не снегом мылись, а из фляжки,
Что водой наполнена из Сала.
Отдохнули час, но, право дело,
Трудной ночи словно не бывало,

В душах после завтрака теплело,
Как бы там зима ни лютовала.
«Зоя, поколдуй-ка ты с эфиром!» -
Время шло, и слух ловил слова,
Что неслись торжественно над миром
Весть благую: «Говорит Москва!»,
И вплеталась в голос из столицы
Скрытая за далью канонада...
«Видно, туго, - молвит кто-то, - фрицам,
Что примкнуты в стенах Сталинграда».
Настроение у всех – что надо!
Пусть минуты радости продлятся.
Командир окинул Зою взглядом:
Хороша! Да права нет влюбиться.
Долго бы не стихли разговоры,
Да пора вздремнуть перед дорогой.
Зорко стерегут покой дозоры,
Пусть поспят ребята хоть немного.
Спят солдаты мирно, словно дети,
Как когда-то дома каждый спал.
Долго ли им жить на этом свете
В пору ту еще никто еще не знал.

8

Шуршит поземка в степи безлюдной,
Все кустики забелила,
Идти по глубокому снегу трудно,
Но есть пока еще силы.
Возня впереди, где сошлись сугробы...
«Дозорный, взгляни-ка, что там?».
Хаврошин смеется: «Случай особый-
У лисы на зайца охота».
Пустяк, казалось, а сразу у всех
По нервам прошла живинка,
Скользнул по губам теплым лучиком смех,
В сердцах растопилась льдинка,
Будто груз из-за плеч свалился,
Снег ковром под ногами стелется,
Видно, кстати источник открылся,
Где второе дыхание селится.
Одни километр, второй, десятый,
Но никто не роптал и не ныл,
Ведь это уже не те ребята,
Что ушли первой ночью в тыл.
В узел свело их единство цели
По дороге трудной и длинной,
Сердца, как большое одно, пламенели,
Это был организм единый.
Поэтому и пощады никто не просил,
Для всех было делом чести:
Идти, так идти до последних сил,
Падать, так падать вместе.
Еще один день и ночь –

Последняя ночь в походе,
В предутренней дымке лощина видна:
«К реке Куберле подходим...»
Командир бы мог облегченно вздохнуть
На заросшем речном берегу –
За спиной остался опасный путь,
Где смерть на каждом шагу.
Но группа лишь подошла к высоте
На подступах к заданной цели,
Здесь жизнь на самой опасной черте,
Здесь каждый миг – на пределе.

9

Ветер гнал над белой степью тучи,
В оголенных ветках завывая,
Падал снег обильный и колючий,
Свежий след от глаз чужих скрывая.
Днем открыто не пройти ни шагу –
Всюду вражки рыщут патрули.
Камышами по реке к оврагу
Отдыхать максимовцы ушли.
Завтрак скудный был, а снег холодный,
Юмор грел да ненависть к врагу,
Засыпать пришлось полуголодным
В нишах, спешно вырытых в снегу.
Крепко спят уставшие солдаты,
Командир лишь бодрствует у карты –
Надо сопоставить дни и даты,
С местностью сличить координаты.
Он почти уверен: все совпало,
Зря маршрут прослеживал с опаской,
Справа должен действовать Беспалов,
Слева – Кравченко, за Пролетарской,
Прямо между ними. Под Орловской
(Установка Центра здесь строга)
Он выходит с группа, Черняховский,
Чтоб удар обрушить на врага.
Вечером бойцы ушли в разведку
В заданном по карте интервале -
Важно взять все точки на заметку,
Где доступно выйти к магистрали.
Накануне Центром - благо, к сроку –
Передана четкая команда:
Перекрывать железную дорогу,
Что ведет в предместья Сталинграда.
Ожидания – всю ночь, как боль!
Сон не шел – в походе случай редкий.
Лишь под утро прозвучал пароль –
Парни возвращались из разведки.
У реки ребята набрели
На землянку с выходом в траншеи.
В ней всей группой обрести смогли
Фронтowej уют после лишений.

Костер горит.
 Тепло струится.
 Кипит в котелках каша.
 Командир доволен: есть где укрыться,
 В землянке мороз не страшен.
 Отогрелись ребята от зимней стужи
 За весь свой поход «крестовый».
 Провиант добыли в разведки на ужин
 В хуторах на балке Зундовой.
 Приемник включен – говорит Москва.
 Согревают сердца и души,
 Вдохновляют на подвиг простые слова.
 Слушай!
 Слушай!
 Слушай!

На фронтах продолжается наступление.
 Немцы злобствуют, чувствуя крах.
 Всех порадовало сообщение,
 Кто-то выкрикнул даже: «Ура!».
 Командир, вздохнув, поубавил пыл:
 «Будем бдительны и внимательны.
 Группы, ушедшие раньше в тыл,
 Попали в руки карателей».
 Как рок звучал в ушах пароль:
 «У нас одна дорога».
 На ребят смотрел, и давила боль,
 Смотрел по-отцовски, не строго:
 «Но крепок дух.
 Дорога одна,
 Да разный выбор в пути.
 И, если поверила в нас страна,
 Надо до цели дойти».
 Завтра в ночь с двумя бойцами
 Идет командир к «железке»:
 Все подготовят на месте сами
 Для операции дерзкой.
 И, если придется, «шпаги скрестят»,
 Есть воля и силы пока еще.
 Они не отступят,
 Они отмстят
 Врагу за казнь товарищей.
 А пока...
 В землянке костер приглашен.
 В полумраке вещает Москва.
 Завершается ужин с наваристой кашей.
 Тянет тело ко сну голова.

Ветер затих. В небе стынут тучки.
 Секреты в дозоре дежурят посменно.
 Вторую ночь командир а отлучке,
 Сегодня должен был непременно.

А он возвращался по снегу топкому,
Уставший, но выправка боевая.
След в след за ним шагали, как тропкою,
Васильев и Киселев, едва поспевая.
Разведка раскрыла глаза на многое:
Фронт близился. Под канонаду.
Фашисты гнали железной дорогою
Свежие полчища к Сталинграду.
Остановить хоть на день, на полдня!
Выбить из четкого ритма движение.
Это – не просто врагу западня,
Это - еще одно поражение.
Пройден маршрут. Обстановка изучена
До понимания полного:
Места нет для диверсии лучшего,
Чем у разъезда Куренного.
«Стой! Кто идет? – начеку секрет,
Ребята в дозоре с норову:
- Пароль?». –
«Винтовка». –
«Волга», - ответ.
«Вернулись наши. Вот здорово!».
В землянку вошли. Наповал все спят.
Комиссар лишь не знал покоя.
Командир шепнул: «Не буди ребят,
Пусть досмотрят сны перед боем.
Завтра ночь предстоит нелегкая,
Надо всем как следует выспаться.
Жизнь одна, комиссар, короткая,
Пойми, где пасть, а где возвыситься...
«Спокойного сна», - напоследок сказал.
День пусть добром осветится,
Ночью ребятам глаза в глаза
Придется со смертью встретиться.
Кто знает, какой он последний сон?
Беда в нем и радость встречаются.
Одни издают то крики, то стон,
Другие во сне улыбаются.

12

Лунный вечер.
Белый снег.
Мороз, но благо – нет ветра.
Идут пятнадцать человек,
Интервал – не более метра.
На марше настрой боевой у всех –
Наконец – то, на дело вышли.
Говор тихий. Негромкий смех.
Цель одна, но разные мысли,
Первый час, и привал первый.
Небо покрылось тучами.
Ветер резал тело и нервы
Своими рывками колючими.

В голой степи закружила мгла,
 Все карты – в руки разведки,
 Она лишь вести группу могла,
 Распознав на маршруте метки.
 Сил и воли в достатке пока –
 Не сломить никакому ветру,
 Цепь сомкнулась – в руке рука.
 Вперед – по шагу, по метру!
 Час за часом во тьму врезались,
 Степь под себя тянули.
 Пришли, наконец!
 Руки разжались,
 Все облегченно вздохнули...
 «Рассредоточиться по траншее!» -
 Дана команда, и в этот миг,
 Будто вышло время лишений, -
 Ветер взвыл в проводах и затих.
 Влево и вправо ушли дозоры,
 Все инструктажи пройдены,
 Ребята готовы свернуть горы,
 Была бы польза для Родины.
 Васильев и Киселев с Черняховским
 Спешат к полотну дороги.
 Вгрызаться в грунт трудно чертовски –
 В работе руки, и ноги.
 Бегут минуты.
 - Равняй воронку!
 - Взрывчатку давай, не тяни резину!
 - Стоп! Отойдем за кусты в сторонку, -
 Дозор заметил слева дрезину.

13

Замерла группа – опасность рядом,
 По рельсам чугунным, стуча, катится.
 Принять бы бой, да сдержаться надо –
 Не время по мелочам тратиться.
 Вслед за дрезиной, вполне вероятно,
 Пойдут эшелоны, причем скоро.
 - Все по местам!
 Задача понятна:
 Готовить удар и средства для отпора.
 Работа опять на путях закипела.
 Мину под стык подвели надежна –
 Ребята знают взрывное дело,
 Но сердце все же стучит тревожно.
 Спустились к окопу, а здесь, представьте,
 Совсем не военное положение...
 «Командир, - говорят, -
 Вам слово, поздравьте
 Нонну Шарыгину с днем рождения». –
 «Вот так сюрприз!» -
 «По шкалику надо бы,
 Да жаль, во фляжках совсем пусто.

Вернемся в землянку, добудем снадобье,
В полную меру проявим чувства!».
Шутка за шуткой...
Но тут до слуха
Донесся глухой перестук дороги,
Сердца сомкнулись от этого стука,
Ни страха не было в них, ни тревоги.
«Праздник окончен!
Готовься к бою!» -
Свет паровоза разрезал тьму,
Искры взлетали над черной трубою
И пропадали в смердящем дыму.
Ещё минута, и под колесами
Грянул взрыв необычной силы,
Снежная пыль расползлась над откосами,
Взвизгнув, во тьме тормоза заискрились.
«Огонь по вагонам!
Прицельно, ребята!» -
Командир оружие поднял первым,
Треснула очередь автомата
По стеклам и по вражеским нервам.
Шквал огня...
«Получайте по счету!» - Обойму сменяла обойма,
Но вел уже тылом отборную роту
Служака эсэсовец Нойман.

14

Грохот взрывов, вспышки ракет
Смяли людской порыв,
Кольцо сжималось. Выхода нет –
Надо идти на прорыв.
«Солдатов! Киселев!
Прикройте отход!
Остальные держитесь за мной!»,
Но впереди фашистский взвод,
Фашистский взвод за спиной.
Слева, справа, со всех сторон
Наваливались громадные туши,
Смолкла стрельба,
Лишь раненный стон,
Да речь чужая сверлила души.
«Все кончено...» -
Он, командир, на снегу
Лежит, не в силах подняться.
Товарищи – рядом, в нескладном строю,
Израченных, до бессилия,
Фашисты их смяли в неравном бою,
Ходячих сгоняли, лежащих сносили.
Нонна при памяти.
Ей так тревожно –
Не мысли, а наваждение:
Скажите, разве такое возможно –
Смерть принимать в день рождения?

Но палач Штреслинг стоял рядом,
Самоуверенный и надменный,
Ему признания выбить надо,
Их должен дать каждый пленный.
Но, как ни странно, они молчат.
Шли в ход всё новые пытки:
Палач и резал, и жёг ребят,
Раздел на морозе до нитки.
Весь полк дивизии СС «Викинг»
В шок повергнут, не то чтобы ужасом –
К зверствам фашисты давно привыкли –
Сразили их русские мужеством.
Душили Штреслинга приступы злобы.
В угаре кровавом молодчики –
Перед ними люди неведомой пробы.
- Кончайте их, пулеметчики!

15

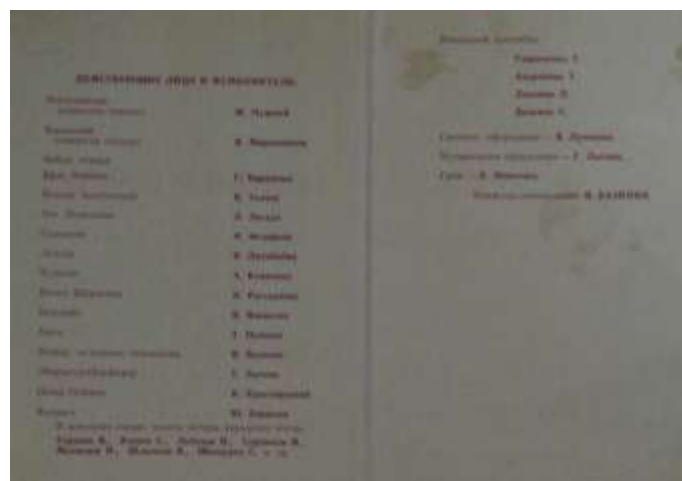
Очередь... за ней без интервала
Следует вторая, третья... пятая...
Каждая мгновенно обрывала
Жизнь, и плыл над степью стон проклятия.
Было их пятнадцать, но не сник
Ни один при схватке с палачами.
Было их пятнадцать, но у них
Родина стояла за плечами.
Смерть страшна,
Но нет назад дороги.
Мысли бродят в гаснущем сознании.
Выстояли люди, видят боги,
И сумели выполнить задание.
«По вагонам!» - раздалась команда.
У фашистов сбой пошел волной:
Эшелон шёл к стенам Сталинграда,
Но застрял на станции «Двойной».
Разорвались связи и пароли,
Трудности возникли с переброской,
Стало оккупантам костью в горле
Роковое место под Орловской.
А над степью плыл морозный звон,
Тихий и торжественно-печальный,
Снег искрился, как большой амвон
В день пасхальный яркими свечами.
Серебрилась в облаках луна,
Плакал в оголённых ветках ветер.
И вокруг такая тишина,
Будто нет войны на этом свете.
Снег холодный.
Тёплые тела...
Нет, они не умерли, не верьте!
Смерть им не забвенье принесла,
Стала лишь дорогою в бессмертье.

Иван Безуглов

Ю. Немиров «ПОКЛОНИСЬ ОБЕЛИСКУ»

Действующие лица:

1. Леонид Матвеевич Черняковский – командир разведгруппы «Максим -66».
2. Василий Максимович Быковский – его заместитель по политической части.
3. Володя Анастасиади.
4. Нона Шарыгина.
5. Валя Заикина.
6. Зоя Печенкина.
7. Николай Кулькин.
8. Начальник спецшколы.
9. Юноша.
10. Мать.
11. Петр Нойман.
12. Штреслинг, штурмбаннфюрер СС.
13. Фаллест, командир роты огнеметчиков.
14. Офицер СС.

Программа премьерного спектакля Орловского
народного театра,
состоявшегося 23 февраля 1973 года

Использованы стихи Д.Самойлова, А.Порхацкого, Н.Майорова.

Текст песни «Россия. Ты у нас одна на свете» Ю. Немирова.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный,
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.
И я с девчонкой балагурю
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.
Как это было: Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..
Сороковые, роковые...
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!
(Затемнение на сцене, и сразу же возникает музыкальная тема: мирное небо, птицы в небе, солнце над головой... На авансцене стоит Юноша.. Он внимательно наблюдает, как седая маленькая женщина идет к обелиску и кладет у его подножия букет живых цветов. Юноша подходит к женщине.).

Юноша - простите, пожалуйста. Я знаю, что живете не в нашем поселке...

Вы каждый год приезжаете к нам откуда-то издалека.

Мать – Да, сынок. Издалека.

Юноша – Я понимаю... Кто-то из ваших близких погиб здесь в бою?

Мать – Ты прав, мальчик... Сын погиб.

Юноша – Он похоронен... здесь?

Мать – Не знаю. Но для матери, потерявшей сына, на войне, все ее сыновья. И ты тоже.

Юноша - /горячо/ А я здесь родился, вырос и работаю тоже здесь. Видите вон там элеватор? И живу от него неподалеку. Даже в армии еще не успел послужить...

Мать – Успеешь. /пауза/. Ты похож на моего сына.

Юноша - /став очень серьезным/. Вы все время думаете о нем? Но ведь прошло столько лет...

Мать – Один умный человек сказал: «Зачем нужен бог, когда есть на свете мать? Пусть все глядят на нее, неутешную, и знают, как беспощадна война». /показала на обелиск/. У них тоже были матери.

/Затемнение на сцене. Высвечивается обелиск, и словно бы ожидает одна из бронзовых фигур – парень с автоматом на груди. Он делает несколько шагов вперед и оказывается рядом со своим сверстником из наших дней. Мать чуть в стороне будет слушать их разговор./.

Парень с автоматом – Я – Володя Анастасиади.

Юноша – Здравствуй, Володя.

Володя – Здравствуйте.

Юноша. – Почему ты называешь меня на «вы»? Ведь я – твой ровесник. Тебе было восемнадцать лет, когда ты погиб, а мне еще и восемнадцати нет... Только школу в этом году окончил. /Пауза/. Писатель, создавший книгу о вашей разведгруппе «Максим-:», нашел твою маму, твоего отца...

Володя - /тепло улыбаясь/. Ну, и как там мои старики?

Юноша – Сам знаешь - потерять единственного сына...

Володя – Нет, я не знаю. Я не успел завести детей.

Юноша – Извини. /после паузы/. Знаешь, мама твоя, Александра Ивановна, до сих пор сожалеет, что ей не довелось нянчить внуков. Твоих детей – Владимировичей...

Володя – Я и полюбить – то по настоящему не успел.

Юноша – И все же... ты любил?

Володя – Да. /помолчал/. Можно, я почитаю стихи?

Юноша – Конечно! Свои?

Володя – Нет. Хотя я тоже пробовал сочинять...

Юноша – На войне родилось много прекрасных поэтов.

Володя - ...Человек бултыхнулся, как в воду.

И ушел, оставив самолет,
Разбивая толщу кислорода,
Голубых ветров круговорот.
Он летел, он падал, кувыркаясь...
Ниже...Ниже...Облачко. Но тут,
Радугой на солнце отливая,
Распустился белый парашют.
И поплыл, как лебедь, величаво.
Голубым ветрам наперерез.
Я стоял на площади, я плавал
Вместе с ним по заводям небес.
А потом, волнующийся, сразу я
Замолчал, рванулся не дыша.
И тогда на землю сероглазая
Молодая девушка сошла.
Повернулась радостно и круто,
Улыбнулась, стала в стороне.
За спиною купол парашюта
Расстелился шлейфом по земле.
У меня подрагивали губы.
Я стоял, притягиваясь к ней.
Дорогие! Как тут не полюбишь
Девушек республики моей?!

/Затемнение на сцене. Появляется девушка с автоматом. Она выходит к авансцене и оказывается рядом с Матерью/.

Девушка – Я –Нонна Шарыгина.

Мать – Здравствуй, девочка.

Нонна – Меня любил Володя Анастасиади, и я любила его. Но мы даже ни разу не поцеловались. Все время были на людях...

Мать – Бывает и так, девочка моя...

Нонна – Он называл меня Ассоль, а я, дурочка, никогда не читала книгу писателя Грина «Алые паруса», и сначала обиделась на Володю: что это еще за Ассоль? Чем же мое-то имя ему не нравится?.. Правда, ведь у меня красивое имя?

Мать – Правда, Нонна.

Нонна – А потом он мне объяснил, и я...расплакалась. Вот ведь какая девчонка была, эта Ассоль! Ждала любимого... И дождалась.

Мать – Если по-настоящему умеешь ждать, всегда так бывает.

Нонна – А мне некого было ждать. Володя со мной был и в спецшколе, где нас учили диверсионному делу, и тут, в степи...

Мать – Это было ваше счастье, дочка. То, что вы были вместе.

Нонна – Мы погибли вместе, в одну секунду...В тот самый день, когда мне исполнилось восемнадцать лет /плачет/.

Мать – Бедная ты моя...

Нонна – Я не бедная! Я любила. И меня любили. А разве этого мало, чтобы стать счастливой?

Мать – Не спорю с тобой, не могу спорить...

Нонна – Я была счастливая, честное слово! Была! /после паузы/. Что это я так раскричалась-то? Ведь в отряде все меня знали, как тихоню. Слова лишнего боялась сказать. Не то, что Валя Заикина. Ну и девчонка была! Огонь!

/Затемнение на сцене. Валя Заикина и Нонна/.

Валя – Я –Валя Заикина.

Юноша – Здравствуй, Валя.

Валя – Здравствуй.

Юноша – Ты знаешь, в твоём родном городе Ахтубинске тебе поставили памятник?

Валя – Ну, вот еще...Что я такого особого сделала?

Юноша – Вместе с ноной Шарыгиной ты бросилась на эсэсовских палачей, кода ваши товарищи были казнены...Ты была ранена.

Валя – Эх, и расцарапала я им морды, этим фашистам! Во расцарапала! /смеется/.

Юноша – Маму твою, Валя не забывают твои школьные подружки. Они часто бывают у нее в вашем домике на углу Пушкинской и Волгоградской.

Валя - /грустно/. Подружкам то моим уже за пятьдесят...Бабушками, наверное, все стали.

Юноша – Стали.

Валя – Когда мы уходили на задание, я все беспокоилась: как там мама моя с младшими сестренками? Они ведь совсем несмышленишками были тогда...

Юноша – У одной из твоих сестер есть дочка – Валя. В твою честь назвали. Девочка уже школу заканчивает.

Валя – Невеста...Какая же она, моя племянница?

Юноша – Бельенкая, как ты...Большие серые глаза...

/Валя вытирает навернувшиеся слезы/.

Твоя мама, Мария Павловна, уверяет, что она очень похожа на погибшую тетю. На тебя, Валя.

Валя - /уже справилась с волнением/. Приехали бы вы к нам до войны! Я лучше многих мальчишек бегала и прыгала. А какие у нас во дворе цветы росли! Все ходили на мои клумбы смотреть, удивлялись. В жару, в засуху за пол версты воду из Ахтубы таскала. Мускулы накачала – во! Соседские ребята меня даже побаивались...Весной сорок второго бросила все – и на рыбный промысел в Астрахань, по комсомольскому набору! Работала вместо рыбаков, что в армию ушли. А когда немец стал подходить, послали нас на окопы в Сталинград! Во мозоли были! Спину разогнуть не могла. И бомбили нас, и в плен чуть не взяли. А потом прилетел один военный, спрашивает: «Кто тут из комсомолок самая отчаянная?» Девки возьми и покажи на меня. Вот и пошла я в спецшколу.

Медсестрой на задание ушла. Думала, к весне война кончится. Все учебники за десятый класс были приготовлены...

/Затемнение на сцене. Юноша и Мать/

/Их разговор идет в обычном, реальном плане/.

Юноша – Вот.../разжал пальцы, что-то показывая женщине/.

Мать – Что это?

Юноша – Гильза и пять патронов. Мы их нашли здесь – на месте боя группы «Максим-66» с фашистами. Наши ребята, совхозные комсомольцы, проехали на мотоциклах по следам погибших разведчиков.

Мать – На мотоциклах...

Юноша – Да. Но поверьте, что и мы бы пешком прошли. И тоже лютой зимой... Просто так было задумано - мотопоход. Что, не верите?

Мать – Верю, мальчик мой, верю...Ведь вы же ровесники тех, кто погиб здесь тогда. И моего сына-тоже... Вы родились через двадцать лет после их смерти, но вы такие же как они...

Юноша - /взволнованно/. Спасибо вам. /смотрит на гильзу, патроны/. Пять патронов... А с чем они ушли в степь? Хотел бы я знать...

/Затемнение на сцене. Майор, начальник спецшколы разговаривает со старшиной Черняховским/.

Майор – Оружие мы вам даем хорошее. На пятнадцать человек - шесть автоматов ПП с тремя тысячами патронов, четыре винтовки и четыре карабина с тысячей двумястами патронов, два револьвера - один комиссару, другой радистке, шестьдесят шесть противопехотных мин и тридцать четыре килограмма тола. Еще – глушитель для винтовки с двенадцатью спецпатронами. Продовольствия – на десять дней.

Черняховский – Мало, товарищ, майор! Автоматов мало, патронов всего на пару хороших боев, мин и тола в обрез на три-четыре приличных диверсии...

Майор – Даем все, что сумели дать. Сами знаете, старшина.

Черняховский - /упрямо/. Нет противопоездных мин замедленного действия. Нет ни одного ручного пулемета...

Майор – Пулемет мы вам решили не давать. Вам предстоит крайне тяжелый путь - более трехсот километров по занятой врагом степи до района действия. Иголка покажется вам в тягость!

Черняховский – Так...С оружием ясно. /Взрывается/ А люди! Кого вы мне даете, товарищ начальник спецшколы?! Детский сад, честное слово! Не группа, а гроза немецких оккупантов! На пятнадцать человек-пятеро семнадцатилетних. Это же пацаны двадцать пятого года рождения! Три девчонки... Все остальные, кроме меня с комиссаром, моложе двадцати двух. Из пятнадцати человек больше половины пороха не нюхали. Нет опытного помощника по разведке. Никто толком не знает немецкий. Тоже мне-диверсионная группа! Смех один – да и только!

Майор – Старшина, а где бы я взял для вас других людей? Да, половина из них не была в бою. Но я думаю, вам не нужно напоминать, что война идет уже полтора года. Опытных бойцов не хватает. Госпиталь в Астрахани забит ранеными. Это вы тоже знаете! Чуть кто поправился спешит на фронт, и никто к нам на школьную скамью садиться не хочет... Люди рвутся в ююй! Да и вы-то, старшина, сбежали из госпиталя раньше времени... Хорошо, что к нам попали. /После паузы/. Как рана, Леонид Матвеевич?

Черняховский - /мрачно/ Все заросло, как на собаке.

Майор – А мне врач спецшколы говорил, что у вас незажившее сквозное пулевое ранение левого предплечья...

Черняховский - /махнул рукой/ Ладно, товарищ майор, не обо мне речь... Так дадите хотя бы еще пяток настоящих ребят.

Майор - /терпеливо, хорошо владея собой/ - Мы и так дали вам больше людей, чем требуется. Мы отправляли группы Беспалова и Кравченко по двенадцать человек. Опыт показывает, что в открытой степи большие отряды создавать нельзя – немцы их сразу засекут и уничтожат. Не тот район действия.

Черняховский – Верю.

Майор - /улыбнувшись/ Ну, так что? Обо всем договорились? Вы Леонид Матвеевич, пожалуйста, будьте помягче с ребятами.

Черняховский – Уж больно они пока желторотые...

Майор – И не чета, старшина, вашему поколению, которое встретило войну не на школьной скамье, а в зрелом возрасте? Так, что ли?

Черняховский - /запальчиво/ Так!

Майор – А чем они, Леонид Матвеевич, виноваты? Тем, что родились позже нас с тобой? Так молодость, друг ты мой, такой недостаток, который со временем проходит. Только хватит ли у них на это времени? Как думаешь?

Черняховский – Поживем – увидим.

Майор – Ты много чего увидишь, старшина...Они хорошие ребята, а твоя задача – сделать из них солдат.

Черняховский – Моя задача – парализовать, где только возможно, железную дорогу в Сальской степи. Любой ценой!

Майор - Правильно. Но один ты ничего не сделаешь. Будет трудно, очень трудно...

Черняховский – А что слышать от групп Беспалова и Кравченко? Что сообщают про обстановку?

Майор – Фашисты патрулируют все важные дороги. В степи появились карательные отряды /Вздыхнул/. Так-то, старшина Черняховский.

Черняховский – Разрешите идти, товарищ майор?

Майор - /совсем по-штатски/. Да, пожалуйста...

/старшина по-уставному поворачивается и уходит. Майор провожает его усталыми от бессонницы глазами/.

Майор – Старшина, старшина, не имею я права тебе сказать, что радисты ушедших ранее на задание групп молчат. Слишком хорошо я знаю, что это означает...

/затемнение на сцене. Группа Черняховского выстроилась перед начальником спецшколы. Он обращается к ним с последним напутствием. Впереди стоят Черняховский и Быковский/.

Майор – Товарищи! Товарищи мои дорогие! Вы уходите на опасное задание. Но каждый солдат верит, что он заговорен от пуль и осколков. Вот и я верю: будет все хорошо! Район действия вашей группы Пролетарская-Орловская-Куберле. Есть такие станицы в сальской степи, овечьи

славой Первой Конной Семёна Михайловича Будённого. Здесь, в этих легендарных краях, формировались его первые коннопартизанские отряды. Фашисты здорово надеяться на ту железную дорогу, которую вам поручено перекрыть. Они гонят по ней резервы под Сталинград, а в Сталинграде сейчас решается судьба войны. Нашей с вами правой войны против заклятого врага, пришедшего на нашу землю! Ваш командир старшина Черняховский – опытный разведчик. Он воевал в 28-й армии, несколько раз брал в плен «языков». Вывел из окружения батальон. Ваш комиссар Быковский хорошо знает район действия, он сам родом – степняк. Так что лучшего проводника, чем Василий Максимович, вам не надо... Ну, что ещё сказать, ребятки мои? Наша спецшкола сделала все возможное, чтобы подготовить вас к этому заданию. Знайте, хлопцы, знайте, девочки, - мы ждем от вас добрых известий. Очень ждем! /после паузы/. Командуй, Старшина.

Черняховский - /вышел из строя/. Отряд, шагом марш!

/Затемнение на сцене. Топот шагающих ног. Музыка/.

Майор - /на авансцене/. Они ушли на задание семнадцатого ноября 1942 года. Свои партийные билеты сдали на хранение командир группы Черняховский и его заместитель по политической части Быковский. На стол комсорга спецшколы легло девять комсомольских билетов.

/Звучит первая часть песни – музыкального лейтмотива второй части спектакля/:

Россия, ты у нас одна на свете,
И за тебя под грохот канонад
Уходят в бой твои родные дети
И не вернутся, может быть, назад,
Быть может, не придется им увидеть
Цветение акации весной...
Умела и любить и ненавидеть
Их юность опаленная войной.

/Необъятный степной простор, скрывающий за каждым буераком смертельную опасность для группы «Максим-66». Привал в степи. Разведчики укрылись от ветра в воронке от разорвавшейся бомбы. Работает рация радистки Зои Печенкиной. Она, сорвала наушники, сдавленно кричит.../
Зоя – Товарищи! Слушайте! Слушайте!

/Голос диктора становится слышен и в зрительном зале/

Диктор – В последний час. Успешное наступление наших войск в районе Сталинграда.

/Все сгрудились вокруг наушников/.

На днях наши войска, расположенные на подступах к Сталинграду, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Прорвав оборонительную линию протяжением тридцать километров на северо-западе в районе города Серафимович, а на юге от Сталинграда – протяжение двадцать километров, наши войска за три дня напряженных боев, преодолев сопротивление противника, продвинулись на 60-70 километров...

/Голос диктора микшируется/

Голоса разведчиков: - Ура!

- Теперь дело пойдет!

/Обнялись командир с комиссаром. Быковский на радостях поцеловал старшину в пышные усы/.

Черняховский – Я так и знал, Максимович! Было время – ходили казаки в Восточную Пруссию, и опять пойдут!

/Радистке/ Зоя Печенкина! /Зоя подбегает к командиру/ .

Пора, Зоя, дать нашу первую радиограмму. Сообщить : «Вышли в район действия, ждем инструкций».

Зоя – Слушаюсь, товарищ командир!

/Бежит к рации, начинает стучать ключом передатчика/.

Черняховский – Медсестра Заикина!

Валя – Я!

Черняховский – Слушай, медсестра... как там у нас с запасами?

Валя – Кое-что есть. Неприкосновенный запас, сами знаете, на крайний случай... Обморожение, к примеру.

Черняховский – Ладно, ладно... Выдать всем по глотку водки. Выполняй.

/Валя уходит/.

/Старшина заметил, Что подчиненные очень уж расшумелись/.

Черняховский – Ща! Прекратить базар! Война ещё не окончилась.

/Разведчики притихли/.

/На переднем плане – командир и комиссар/.

Черняховский – Ну, Максимович, отмахаем еще километров 30 до линии наших окопов и можно основательно отдохнуть. Знаешь те окопы? Мы там прошлым летом стояли, когда немец давил... Жаль их оставлять было, да пришлось.

Быковский – Знаю, Леня. Сам комсосолию Заветинского района выводил их рыть.

Черняховский – Будем вот так привалы делать в воронках – поморозим людей. /Помолчал/. Какие говоришь, у вас тут морозы бывают?

Быковский – До тридцати пяти ниже нуля.

Черняховский – Вот тебе и знойный юг!

Быковский – Юг – то юг, да все же не твой Сухуми, не твой санаторий... Как он, говоришь, назывался?

Черняховский – «Агудзера»... Смеёшься, да? /Шутливо/. А ведь сейчас я представить не могу, как это после того, что стряслось со мной за полтора года войны, я вернусь на свою прежнюю работенку – товароведом санатория... Ну и ну! Продукты доставать, сухое вино попивать с теми и другими. Для дела и просто так – под настроение и погоду...

Быковский - /Думая о чем-то своем/. Чудно!

Черняховский – О чем ты, комиссар?

Быковский – На докторов мне чудно, Леня. Они меня из-за сердца в армию не взяли: аритмия, стенокардия... Полный букет! По секрету скажу: для себя я так решил, что если отставку от вас – застрелюсь. Думал, а вдруг нянчиться со мной придется? А потом будто второе дыхание пришло – иду с вами, как медведь по тайге. Чудно!

/Слышен далекий рокот танковых моторов/

Черняховский – Слышишь? Танки! Совсем близко, черт возьми! Надо немедленно отойти как можно дальше от дороги. /К разведчикам/. Ну, братва кончай перекур, не на охоте! Тут такие звери рядом бродят – не поздоровится!

/Затемнение. Юноша и Мать на авансцене/..

Юноша – Представляете, как они шли? То и дело над степью загорались фашистские осветительные ракеты... Даже, наверное, доносились слабые хлопки от выстрелов. Около километра было до немцев, и это на протяжении всей дороги. Дороги бессмертия. /Помолчав/. А потом начался шурган. Вы знаете, что это такое?

Мать – Нет, сынок, не знаю...

Юноша Шурган, или черная буря – это страшное зло в наших краях. Это смерч! Если он застает человека в открытой степи, от смерти, от гибели – только один шаг...

Мать – В открытой степи... В открытом море... И всюду наши сыновья остаются одни. А матери – далеко... Как несправедливо!

Юноша - Что несправедливо?

Мать – То, что сыновья погибают.

/Блиндаж. Какой-то минимальный, возможный на войне уют. Каждый из разведчиков занят своим делом. Кто держит котелок с кашей, кто чинит одежду, а кто просто сидит без всякого дела, слушая завывающий за дверью блиндажа свирепый ветер... Володя Анастасиади и Нонна Шарыгина устроились рядом/.

Кулькин – А что, братцы, блиндаж у нас что надо! Курорт! Комфорт

Валя – Никогда не думала – какое это счастье: есть горячую кашу!

Зоя – Сколько дней всухомятку...

Черняховский – Да, Кулькин, ты прав. Устроились мы неплохо, и перед первой операцией отдохнуть, здесь не мешает. Только не чувствуйте себя, ради бога, как на даче... Фрицам тоже, небось, известно, что партизанам больше негде укрыться, как в этих окопах да блиндажах.

Валя – Товарищ командир, а что они здесь всякую мерзость развесили? Открытки, фотографии... Выкидывать их на снег и то противно было...

Черняховский – А фашист, Валечка, без похабства не может. Даже в таких в окопных условиях. На то он и фашист.

Кулькин – Спасибо, не заминировали немцы блиндаж...

Черняховский – А зачем им, Коля, это делать в своем глубоком тылу? Тут им бояться некого. А вот то, что мы здесь оказались, это для немцев сюрприз.

Кулькин – Дорогой сюрпризец – то будет!

Черняховский – Не кажи «гоп» раньше времени, боец Кулькин! Мы ещё ничего путного пока не сделали... Харчи свои не оправдали.

/Кивнул на Зою, которая возится с передатчиком/.

Да и радистка наша, видишь, все со своей адской машиной совладать не может. На связь второй день не выходим.

Зоя - /Отрываясь от аппарата/. Все будет в порядке, товарищ командир.

Черняховский – Верю, Зоя, верю.

/Входит часовой/.

Часовой – Товарищ командир, комиссар с Колей Лунгором на горизонте.

Черняховский - /Радостно/. Ну, наконец-то!

/Входят Быковский и Лунгор/.

Быковский – Здорово, орлы! Каши на нашу долю оставили?

/Радостное оживление в блиндаже. Все наперебой предлагают свои котелки/.

Вы Колю покормите, а я успею.

/На авансцене – командир и комиссар/.

Быковский – Ну, Леня, здравствуй. Докладываю, что из разведки вернулись благополучно.

Черняховский - Слушай, Максимович, как же вы, а? Ведь морозище стоит лютый. А вы в открытой степи...

Быковский – Сами удивляемся, как не замерзли... Метод такой изобрели: по степи катались! Очень даже помогало... Рассвет нас застал, понимаешь далеко от лагеря, вот и пришлось до сумерек на земле пролежать... А потом до окопов доползти, там без ветра полегче было.

Черняховский – Ясно.

Быковский – Слушай, командир... Эти окопы доходят до самой Орловской.

Это точно.

Черняховский – А к железной дороге окопы подходят?

Быковский – В том-то и дело, что подходят. Как по заказу!

Черняховский - /Обрадовано/ Эх, комиссар, говоришь, штатский человек, а какую богатую мысль подкинул! Ведь если мы по этим окопам подойдем к самой железке, из них мы и по фашисту вдарим. А? Все же будет где захватиться, чтобы нас сразу не засекли. А там уж – кому больше повезет. Бой – он есть бой.

Быковский – Верная мысль, Леня.

Черняховский – А чем же ты озабочен? Как с продуктами? Удалось раздобыть?.

Быковский – У одного деда на хуторе под разъездом Куренным отлично отоварились. Там же и про группу Беспалова узнали.

Черняховский – Ну! Только тихо.

Быковский – Они не дошли. Ночевали в пустом овечьем загоне. На них напоролись румыны. Двоих убили, третий умчался на коне, привел карателей с минометом. Каратели окружили кашару. Никто не сдался. Всех перестреляли и мертвых повесили. Такие дела...

Черняховский – Ясно, Леня... Ну, отдыхай.

Быковский – «У нас с вами одна дорога...»

Черняховский – Ты что, Максимович?

Быковский – Повторяю про себя отзыв на пароль в случае возможной встречи с группами Беспалова и Кравченко.

Черняховский – Ты что-то не договариваешь, комиссар.

Быковский – В хуторах вывешены приказы немецкого командования...

Черняховский – Да не тяни ты душу!

Быковский – О том, что схвачена группа партизан и перебита. Боюсь, что это ребята Кравченко.

Черняховский – Да - а... Видать и они ничего не успели сделать... А мы, Максимыч? Мы-то успеем?

Быковский – Должны успеть, командир. Должны.

Зоя – Товарищ командир! Есть связь! Приняла радиogramму из центра!

Черняховский – Молодец, Зоя! В темпе расшифруй.

Зоя – Радиogramма очень короткая. /Дает командиру листок бумаги/.

Черняховский – Да, короче не бывает.

Быковский – Что там, Леня?

Черняховский – Читаю, Максимыч: «Перекрыть дорогу».

/В каком-то едином порыве командира и комиссара окружают бойцы/.

Быковский – Товарищи! Пробил наш час!.. Все мы слушали радио. Фашисты буквально воют, заполняя эфир призывами помочь окруженному Паулюсу.

Вот почему железная дорога, расположенная в нескольких километрах отсюда, так важна для гитлеровцев. Вот почему мы должны любой ценой выполнить приказ командования – перекрыть дорогу, встать на пути врага.

Черняховский – Будет Паулюсу могила на Волге, ребята, если не дадим его вызволить. Нам выпало великое счастье – судьба нас поставила на самое важное место. Все ясно?

/Музыка/.

Быковский – Все ясно, командир. Ставь задачу.

Черняховский – На сборы – десять минут. В районе станицы Орловской аккурат к железной дороге проходят вот эти наши окопы. Там, под станцией, мы и дадим бой фашистам. Наш первый бой.

/Затемнение на сцене. Юноша и Мать/.

Мать – Ты хорошо рассказываешь, мальчик.

Юноша – У нас в районе каждый об этом знает. Обелисков у нас много, а такой, как этот – один. Комсомольцы со всего Дона приезжали на его открытие. Давали клятву верности. Знаете, какие слова из той клятвы мне на всю жизнь запомнились?

Мать – Какие же? Скажи...

Юноша – «Мы – листья с вашего дерева. «Правда здорово?».

Мать – Да, хорошо... А мой листочек облетел давным-давно.

/На сцене – линия окопов. Оружие приготовлено к бою. Все лежат в своих стрелковых ячейках. Слышен звук движущейся дрезины/.

Черняховский – Тихо, ребята! /Прислушался/. Это дрезина. Немцы проверяют исправен ли путь.

/Прожектор с дрезины скользнул по окопу/.

Быковский – Ничего не заметили.

Черняховский – Спасибо ноченьке темной да буре черной, сколько земли пришлось разворотить, пока приготовили лунки для мин и толовых шашек. Пойду-ка проверю, как там у нас Васильев колдует. Классный он подрывник, слов нет... Толовые шашки жалеть не будем. Видать, здоровый состав идет, если они дрезину вперед пустили... Боятся, сволочи.!

/Уполз командир. На переднем плане – Володя и Нонна. Они говорят приглушенно - о самом сокровенном/.

Володя - Поздравляю тебя, Нонна... Уже начался новый день – день твоего рождения.

Нонна – А ты откуда знаешь?

Володя – А я специально посмотрел в списке группы. Взял у старшины и посмотрел.

Нонна – И запомнил?

Володя – А как же! /Помолчал/. На возьми...

Нонна – Что это?

Володя – Мне нечего было подарить тебе на день рождения. Это стихи.

Нонна – Ты пишешь стихи?

Володя – Я из Одессы, Нонна, а кто их у нас не пишет? Утром прочтешь...

Только обещай: смеяться не будешь! И никому не показывай.

Нонна – Хорошо, мой милый.

Володя - /Потрясенно/. Что ты сказала?

Нонна – Я сказала: хорошо, мой милый.

/Володя прижимается губами к её руке, только что державшей винтовку, и долго не отнимает свою руку Нонна.../.

Голос Черняховского – Всё, ребята! Снимай прикрытие! Все в окоп!

/Командир и комиссар на переднем плане/.

Черняховский – Ну, Максимыч, вроде все в порядке. Готово. Капсюль лежит на рельсах, как курок... А жахнет - фашисты забудут, как маму звали...

Эх, руки чешутся – поскорей бы!

Быковский – Больше ждали, Ленья. /После паузы/. Ты молодец, командир.

Черняховский – Ну, вот... Что это ты?

Быковский – Могу я тебя, как молодого коммуниста, один раз за все время похвалить? Не забыл, кто тебе рекомендации в партию давал?

Черняховский – Ты, Максимович. Спасибо, что поверил в Леньку Черняховского – человека с темноватым прошлым товароведа в черноморском санатории «Агудзера»...

Быкавский – Да ладно тебе...

Голос Кулькина в сумерках – Эх, ребята, меня голод донимает! /Весело/.

Меняю вагон фрицев на кусок сухаря!

Черняховский – Вот, балаболка. Эй, Кулькин, кончай базар!

Кулькин - /Потише/. Слушаюсь, товарищ командир. Тут Солдатов у нас, считай уснул... Вот нервы у человека!

Голос Солдатова – Я не сплю, Коля, я землю слушаю... Товарищ командир, вроде бы состав идет... У меня ухо чуткое.

Черняховский – Всем замолчать.

/Тишина. Отдаленный перестук колес/. Звук все растет и растет. Поезд все ближе... И вот этот звук заполняет зрительный зал. Воспринимать его почти невозможно. Пауза. И - взрыв! Отдаленные голоса немцев. Выстрелы./.

Черняховский - /Во весь голос/. Огонь! Огонь орелики!

/Бой. На его звуковом фоне Юноша на авансцене продолжает свой рассказ. Мать слушает его, стоит рядом не шелохнувшись... Занавес закрыт./.

Юноша – Я слышу их голоса, словно сам был с ними в этом первом и последнем бою отряда «Максим-66».

/Звучит магнитная запись боя и голосов/.

Голос Черняховского – Максимыч! Бери Киселева, Кулькина, Лунгора, Клепова!

Дай жару в хвост эшелона! Меж колес бейте! И сразу обратно в окоп!

Голос Быковского – Есть, командир!

/Совсем близко орудейные выстрелы/.

Голос Черняховского – Противотанковыми бьют! Надо отходить!

Голос Ноны – Лунгора ранили! Валя, сюда!

Голоса – Они подожгли деревья!

- Хотят нас выкурить! Огнеметами!

Голос – Сидорова ранили!

Голос Солдатов – Патроны кончаются!

Голос Быковского – Леня, что с тобой?

/Черняховский и Быковский высвечиваются на сцене/.

Черняховский – Пустяки, комиссар! Левым глазом ничего не вижу, зацепило... /в глубину сцены/.

Ребята, приказываю прорываться! Уходите! Я прикрою вас! Веди их комиссар! Больше жизни!

Юноша - /На звуковом фоне боя, в сполохах прожекторов и пламени/. Комиссар повел группу на прорыв. Но перед партизанами выросли эсесовцы в черных шинелях. По трое, по четверо набросились они на Быковского, на Киселева, на маленькую Нону Шарыгину... Началась рукопашная. Но слишком неравными были силы, слишком неравный...

/Звучит вторая часть песни/.

Герои у фашистов не просили

Пощады, как не просят у зверей.

Орловка, как слезиночка России,

Застыла посреди седых степей.

Закончен бой, и так невыносимо

Звенели над Россией тишина...

Мы не забудем мужество «Максима»

Как Зои и Олега имена!

/На сцене – Штресслинг и Нойман. Где-то там, за сценой, длинная цепь эсесовцев и солдаты с автоматами на руках, несколько из них - ----- Нойман все кончено, штурмбанфюрер. Мы их взяли живьем.

Штресслинг – Сколько их?

Ноймай – пятнадцать. Трое женщин.

Штресслинг – Долго же вы, однако, Нойман, возились с горсткой бандитов.

Нельзя так терять время – момент слишком критический. Я сообщил по рации бригаденфюреру о налете. Он в ярости. Проклятие! У нас каждая минута на счету!

Нойман – Так точно, штурмбанфюрер!

Штресслинг - Вы чем-то расстроены, Питер?

Нойман – В бою с партизанами погиб мой лучший друг – унтерштурмфюрер Франц Хатеншвиллер.

Штресслинг - Сочувствую вам, Нойман, но отпевать погибших будем как-нибудь потом.

Нойман – Виноват, штурмбанфюрер.

Штресслинг – Мне совершенно непонятно, откуда посреди забытой богом Сальской степи взялась эта группа диверсантов. Пройти из-за линии фронта в тылу нашей миллионной армии – немыслимо. Выше сил человеческих! Значит, они с неба свалились – на парашютах. А если так, то необходимо все разузнать – кто послал их, с какой целью, с кем они связаны здесь, где скрываются другие отряды. Бьюсь об заклад, что их прислали из самой Москвы! Ведь они ударили нас по самому больному месту, Нойман! В этом краю бездорожья – одна железнодорожная трасса, и важнее её нет... /Пауза/. Я с ними поговорю сам. Я им дам понять, что умирать в этом мире не за что!... Зато есть ради чего жить, черт возьми!

/Быстро идет через сцену, за ним Нойман/

Юноша - /На авансцене/. Они стояли безоружные. Истекающие кровью, стояли поддерживая друг друга. На них были нацелены дула десятков автоматов и крупнокалиберные пулеметы бронированного вагона.

Голос Штрессленга на пленке – Значит, вам нечего сказать? Вы ничего не знаете? Так я развяжу вам языки! /После паузы/. Командир четвертой роты! Прикажите своим людям раздеть бандитов до гола! Это освежит им память!

/Юноша закрыл лицо руками. Мать застыла, как изваяние/.

Повалить их в снег! Пусть отдохнут немного!

/Жеребчий смех фашистов/.

Юноша – эти голоса преследуют меня! А этот смех!... Так могут смеяться только нелюди! /Пауза/. Проклятые голоса!

/На сцене высвечивается Штресслинг/

Штресслинг – Фаллест! Ко мне, немедленно!

Фаллест – Слушаю, штурмбанфюрер.

Штресслинг - Фаллест! Я видел, как вы сегодня отличились! Если бы вы не подожгли деревья, Нойман возился бы целую вечность. Ваши огнемётчики готовы выполнить мой приказ?

Фаллест – В любую минуту, штурмбанфюрер!

Штресслинг - Отлично! Баллоны успели перезарядить?

/Фаллест утвердительно кивает головой/

А ну-ка Фаллест, эти проклятые русские, лежащие там, на снегу замерзли. Погрей-ка их!

Фаллест – Понял вас, штурмбанфюрер! Попугать?

Штресслинг – Ты болван, Фаллест. Приказываю одного из них поджарить, чтобы другие развязали языки. Вот и все. Иди, Фаллест. Твои люди понятливее тебя!

/Фаллест уходит. За ним – Штресслинг/.

Юноша на авансцене – Питер Нойман! Если бы вы слышали меня. Если бы слышали...

/Мать по-прежнему стоит неподвижно, скорбно опустив голову/.

/Появляется Нойман. Он постарел на тридцать лет, он в штатском, но узнать его можно/.

Нойман – Я слышу вас, молодой человек.

Юноша – К сожалению, эта наша встреча – лишь в моем воображении.

Нойман – Да, это так. Но не могу же приехать из Вашингтона к вам – на землю, где я воевал...
Достаточно того, что я написал и издал в Америке книгу об этой трагедии в Сальской степи.
Юноша – Тогда, в сорок втором, вы не выражались столь высокопарно.
Нойман – Я выполнял свой долг. Долг солдата.
Юноша – Эсесовцы-не солдаты, а палачи!

/Нойман пожимает плечами/.

Мы, советские люди, не преследуем побежденных. А вы - военный преступник, только поэтому вы никогда не осмелитесь приехать к нам.

Нойман – Я не считаю, что игра безнадежно проиграна.
Юноша – Вы – равеншист?
Нойман – Как будет угодно.

Голос Штресслинга на магнитной пленке:

-Ну, будешь говорить? Сейчас я дам команду огнеметчику. От тебя ничего не останется!
Только горстка пепла – в лучшем случае. Ну!
Нойман – Боже мой! Какой это был ужас...Сцена из дантова «Ада».
Голос Штресслинга – Огнеметчик, действуй!

/Задник закрашивается в нестерпимо красный цвет. Музыка – реквием/.

Юноша – Кто? Кто умер такой смертью? Старшина Черняховский? Комиссар Максимыч? Солдатов?... Этого мы никогда не узнаем. Но по свидетельству эсесовца Питера Ноймана нам известно, что среди пятнадцати не нашлось ни одного труса, никто не устрасился смерти, не уступил огню... /Нойману/. Ведь это так, господин фашист? /Нойман молчит/. Да так...

Нойман – Называя меня фашистом, вы хотите обидеть меня?

Юноша - /Пародирует ответ Ноймана/. Как вам будет угодно.

Нойман – Вы просто называете меня тем, кем я являюсь и сейчас, когда мне уже за пятьдесят. Мы, немцы, любим постоянство.

Юноша – Есть разные немцы.

Нойман – Увы, это так. А вы, русские, все одинаковы. Вы – фанатики своих идеалов. И те, погибшие под Орловской, были неисправимыми фанатиками. Их могла исправить только смерть!.. Я смотрел на них – обреченных, израненных, - и думал, откуда эти люди берут такую силу? Неужели они сделаны из такой же плоти, как я?

Юноша – Вам никогда не понять этого, господин Питер Нойман.

/Нойман вежливо приподнимает шляпу на прощание. Затемнение. И снова на сцене – Штресслинг. Он идет в распахнутой шинели, снял фуражку с головы... Утомился! К нему подбегает офицер/.

Офицер – Штурмбанфюрер! Огонь из лесополосы может переброситься через пути, и тогда он отрежет нас от эшелона. Мы и так торчим здесь более двух часов, штурмбанфюрер! Об этом просил напомнить вам штандартенфюрер Мюлленкамп.

Штресслинг – Что еще?

Офицер – Вот-вот подойдет другой войсковой эшелон, а за ним следует состав с боеприпасами. Станция Пролетарская забита ими! Может быть, спрашивает, штандартенфюрер...вы позднее продолжите свой допрос?

Наши авторы

Александровский Сергей Владимирович – выпускник Орловской средней школы №1 1987 года, руководитель школьного музея с 1998 года, руководитель школьного научно-краеведческого общества «Память» с 2000 года, главный редактор общешкольной газеты «Эхо» с 2006 года.

Безуглов Иван Павлович - Орловский поэт, почетный гражданин Орловского района (2010 год). Автор ряда поэтических сборников.

Белозеров Алексей - выпускник Орловской средней школы №1 2008 года, студент Ростовского государственного педагогического университета. Печатался в школьной газете «Эхо» в период с 2004 по 2008 год, входил в состав школьного научно-краеведческого общества «Память».

Волохов Анатолий - выпускник Орловской средней школы №1 2012 года, студент Московского государственного университета. Печатался в школьной газете «Эхо» в период с 2005 по 2012 год, входил в состав школьного научно-краеведческого общества «Память».

Евлахов Евгений - ученик 10 «а» класса Орловской средней школы №1, Печатался в школьной газете «Эхо» в 2012 году, входит в состав школьного научно-краеведческого общества «Память».

Иванина Валерия - выпускница Орловской средней школы №1 2008 года, студентка Ростовского государственного университета. Печаталась в школьной газете «Эхо» в период с 2006 по 2008 года, входила в состав школьного научно-краеведческого общества «Память».

Кругликова Галина - выпускница Орловской средней школы №1 1967 года, входила в состав краеведческой группы, занимавшейся поиском места гибели группы «Максим 66».

Немиров Юрий - Орловский сценарист и один из руководителей Орловского народного театра, поэт, член Ростовского союза журналистов. Автор спектакля «Поклонись обелиску», песни «Моя Орловка».

Татаренко Григорий Степанович - участник Великой Отечественной войны, краевед, один из организаторов поиска группы «Максим 66».

Семерникова Оксана - выпускница Орловской средней школы №1 2013 года. Печаталась в школьной газете «Эхо» в период с 2006 по 2013 года, входит в состав школьного научно-краеведческого общества «Память».

Худякова Наталья - выпускница Орловской средней школы №1 1966 года, входила в состав краеведческой группы, занимавшейся поиском места гибели группы «Максим 66».

Оглавление.

<i>Иванина Валерия.</i>	Разве можно не помнить?	3
<i>Белозеров Алексей.</i>	О доблести...	4
<i>Волохов Анатолий.</i>	Они не вышли на связь	7
<i>Семерникова Оксана.</i>	Овидий Александрович Горчаков	10
<i>Евлахов Евгений.</i>	Организаторы поиска группы «Максим 66»	11
<i>Татаренко Г.С.</i>	Историческая справка на обелиск группе «Максим 66»	12
<i>Александровский С.В.</i>	Мифы и правда о группе «Максим 66»	15
<i>Худякова Наталья</i>	Бессмертие	20
<i>Кругликова Галина</i>	Памяти группы «Максим 66»	20
<i>Жмуренко Алексей.</i>	Черные вороны	21
<i>Безуглов И.П.</i>	У обелиска	22
<i>Безуглов И.П. –</i>	Поэма о подвиге группы «Максим 66»	23
<i>Немиров Ю.</i>	Поклонись обелиску	35

Издано Alex&Company при содействии научно-краеведческого общества «Память» и редакции общешкольной независимой газеты «ЭХО».

Copyright © 2001-2013 «Научно-краеведческое общество «Память». All Rights Reserved.

При использовании материалов издания в учебно-методических целях, при написании исследовательских работ по истории Орловского района, Ростовской области ссылка обязательна. По всем вопросам распространения обращаться в Орловскую среднюю общеобразовательную школу №1.

Руководитель проекта Александровский С.В.

Отпечатано на оборудовании МБОУ ОСОШ №1.

Тираж 3 экземпляра. Не предназначено для продажи и коммерческого использования.